

Adresa, na níž je možno časopis objednat:
Prodejna VUP
Biskupské náměstí 1
771 11 Olomouc
e-mail: prodejna.vup@upol.cz

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. XLIX
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2010

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

Алла Мстиславовна Архангельская: Языковой образ дурака в русской фразеологии (мотивационный аспект)	5
Ладислав Воборил: Малые слова великого языка П/1 – «фиг/фига»	11
Светлана Гась: Языковые особенности сообщений для СМИ в польском и русском дипломатических дискурсах	21
Мартина ван Гауберген: Понятие <i>время</i> в русском и во французском языке	25
Мария Львовна Гордиевская: Архаичные синтаксические структуры в русском языке и их эволюция (на примере оборотов с двойным винительным падежом)	31
Катаржина Демьска: О нормотворческой функции языка СМИ	37
MIROSLAV Zahrádka: Mládí a mládí v názvech	41
Лариса Борисовна Крюкова: Реализация семантической модели восприятия в поэзии серебрянного века	45
Катажина Юльяновна Рыбиньска: Русские писатели в очерках Вирджинии Вульф	51
Наталия Николаевна Семененко: Переходные субстандартные паремические формы как элемент современного фразеологического пространства языка	57
Любовь Николаевна Смирнова: «Прекрасное есть идеал...» (Концепция прекрасного в творчестве Ф. М. Достоевского)	61
Яна Соколова: Человек и язык. Ценность информации	67
Ядвига Тарса: «Ржунимагу», или выражение эмоций в «языке падонков»	71
Эльжибета Тышковска-Каспшак: Человек обречен на свободу. Отголоски философии Жана-Поля Сартра в прозе Сергея Довлатова	75
Яромира Шинделаржова: Собственные имена в русской и чешской фразеологии	83

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

JOSEF ANDERŠ: Halyna Myronova, Oxana Gazdošová: Česko-ukrajinský právnický slovník	91
--	----

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

OLDŘICH RICHTEREK: Kongres České asociace slavistů podruhé	95
Pokyny pro autory	99

АЛЛА МСТИСТАВОВНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Украина, Ровно

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ДУРАКА В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

ABSTRACT:

This article deals with the problem of studying of the verbalization process of an object concerning an out language concept 'fool' from the onomasiological point of view and with the problems of search of motivational spheres in equation of this sense and regularities in the semantic motivations. The main research material is proof comparisons in the Russian language.

KEY WORDS:

Onomasiology – verbalisation – semantic motivation – motivational sphere – motivational dominant.

Мотто:

Хорошо, что есть на свете дураки. Это благодаря им мы преуспеваем.

Марк Твен

Изучение процесса вербализации как процесса перевода определенного содержания, мысли в словесную форму естественного языка пребывает в центре внимания многих ученых. Вопросу вербализации знаний о внеязыковой действительности посвящены многие современные антропоцентрически ориентированные исследования ономаσιологического характера С. М. Толстой, Е. Л. Березович, М. Э. Рут, Г. В. Леонтьевой, И. В. Родионовой, О. П. Сокологуб, Л. В. Шпачук и др., ставящие во главу угла взаимодействие внеязыкового и языкового, объективного и субъективного, цивилизационно и культурно значимого в процессе номинации-выбора в языкотворческом контексте.

Один из важнейших вопросов, стоящих перед исследователем процесса языковой объективации внеязыковой действительности, есть вопрос о наличии или отсутствии закономерностей в семантических мотивациях. Здесь мнения ученых расходятся: одни считают, что выбор формы номинанта есть результат стихийных случайных ассоциаций (Б. А. Серебренников, К. Н. Сафарова, Н. Н. Амосова); другие уверены, что закономерности в мотивациях существуют (А. И. Моисеев, В. А. Губанова). Ю. С. Степанов считает, что для их выявления

нужны не отдельные слова, а семантические ряды, к которым они принадлежат. Свобода выбора ограничена, однако закономерен не конечный результат наименования, а ряд, в рамках которого именование осуществляется [Степанов 1997: 61]. Таким образом, речь идет не столько об обязательном предсказуемом выборе конкретного мотивационного признака, носителем которого выступает мотиватор, сколько о сферах, из которых этот признак извлекается. Именно поэтому относительно семантических мотиваций корректно говорить не об нерушимых законах, а о вероятностных тенденциях получения имени номинантами с общим номинационным значением.

Анализ, казалось бы, чисто внешних связей объекта внеязыковой действительности с системой его именовании (номинантов) в каждом языке не только отображает специфику мышления, мировидения и миропонимания номинатора как национально-лингво-культурной личности. Такой анализ приводит исследователя к выявлению определенных мотивационных сфер, или сфер отождествления смыслов, частично универсально-типологических, частично – специфических для данного лингвокультурного общества, которые, в свою очередь, становятся базовыми для семантических мотиваций. Обобщенный анализ перевода невербального мыслительного кода в вербальный позволяет выявить и некоторые тенденции в языковой объективации определенных фрагментов неязыковой действительности средствами конкретного языка. Объектом исследования в статье избраны устойчивые сравнения русского языка как вербальные репрезентанты понятия ‘дурак’. Ранее нами была изучена система единиц номинативно-характеризующего типа, обозначающих ‘дурака’ в чешском, украинском и русском языках [Архангельская 2007: 304–382], поэтому желание проследить наличие или отсутствие мотивационных корреляций в уже изученной системе единиц и в устойчивых сравнениях русского языка кажется вполне оправданным. Объем понятия ‘дурак’ Разг. Глупый, тупой человек [СРЯ 1985: 1, 453] будет исследован нами с точки зрения вербализации и его совмещенных семантических признаков ‘глупый’ и ‘тупой’, которые в данном случае являются основными признаками денотата.

В процессе вербализации фактов отклонения от бытийной нормы (человек есть *homo sapiens* – то есть человек разумный, номинатор, ориентируясь на усиление отрицательной интеллектуальной характеристики номината, искривляет ее в худшую сторону. Языковые факты свидетельствуют, что в процессе номинации-выбора имени субъект именовании ассоциативно связывает ‘дурака’ как анти-норму с чем-то низким, неприятным, отвратительным, неполноценным, помещая, таким образом, человека интеллектуально аномального в несвойственное ему понятийное пространство.

Антропометрически сориентированное языковое сознание номинатора в первую очередь «примеряет» действительность на себя, онтологически отождествляя проявления дурака с неполноценностью человека в границах мотивационной сферы дурак → человек. Снижение ценности человека умственно ограниченного достигается тем, что человек ономаσιологически соразмеряется с номинантом лица, неполноценного душевно и телесно: как идиот, как ду-

рачок, как придурок, как недоделанный. Пренебр. Грубо. О крайне глупом, тупом до невозможности, непонятливом, бестолковом человеке [Мокиенко 2003: 108] (ср. идиот 1. Человек, страдающий идиотией, слабоумием. 2. Прост. Бран. Дурак, болван, тупица [СРЯ 1985: 1, 631], дурачок 2. Устар. Простор. Помешанный, юродивый [СРЯ 1985: 2, 453], придурок. Прост. Придурковатый (глуповатый, умственно ограниченный) человек [СРЯ 1985: 3, 407], недоделанный. В языковом сознании русских дурак – человек, неполноценный по возрасту, то есть несамостоятельный, недееспособный и т.п.: глуп как ребенок; по социальному статусу, уровню развития: глуп как деревенщина (деревня). Прост. Пренебр. О темном, грубом, невежественном, бескультурном человеке [Мокиенко 2003: 61] (ср. деревенщина. Прост. Пренебр. О жителе деревни, о простоватом, грубом человеке [СРЯ 1985: 1, 388]). Стимулом экспликации неполноценности человека становилось и его имя как социальный знак. Тенденцией в русском обществе было деление антропонимов на городские и сельские, а в соответствии с социальным статусом их носителей – на барские (позже городские) и холопские (сельские) (А. В. Суперанская). Простонародным, холопским было имя Иван: иванушка-дурачок. Глуповатый простодушный человек. Языковым средством снижения статуса дурака мог становиться и этноним, ведь оппозиция «свой» – «чужой» – одна из основоположных в языковой идентификации бытийной нормы и анти-нормы: тупой как лопарь Прост. Ирон. О глуповатом, простоватом, неотесанном человеке [Мокиенко 2003: 225].

В границах вектора мотиваций дурак → человек обнаруживаем и группу соматизмов, с которыми в языковом сознании русских ассоциируется глупый, тупой человек: глуп как пятка. Простор. Презр. О крайне глупом человеке [Мокиенко 2003: 357]; глуп как бабий пуп. Нар. Презр. или Пренебр. О крайне глупом, непонятливом человеке [Мокиенко 2003: 353]. В первом случае основанием мотивации выступает соматический низ, элементы которого выступают мотиваторами многочисленных инвектив. Во втором случае базовым в мотивации оказывается противопоставление «мужской» – «женский»; атрибут *бабий* конкретизирует прямое значение слова *пуп*, создавая тем самым двуплановость восприятия, необходимую для усиления экспрессии. И хотя приведенный пример иллюстрирует негативную оценочную маркированность женского в сравнении с мужским, характерную для фразеологии, следует сказать, что сравнения с компонентом *дура* и *дурак* оказываются полностью семантически и прагматически равнозначными: как дура набитая. Пренебр. Грубо. То же, что Как дурак набитый [Мокиенко 2003: 108]; стоять как дура. Пренебр. Грубо. То же, что Стоять как дурак [Мокиенко 2003: 108] – образы дуры и дурака в русской фразеологии гендерной асимметрии не обнаруживают.

Неантропная мотивационная сфера дурак → не-человек представлена прежде всего корреляцией предмет – материал – дурак. Здесь снижение статуса человека осуществляется ассоциированием тупого и глупого человека с деревом. В этой связи чрезвычайно интересна трансформация образа, поскольку дерево в мировоззрении древних индоевропейцев связывалось с Мировым деревом, символизировало божественную силу, силу вообще, твердость, Божествен-

ный фаллос (М. М. Маковский). Какой же путь мировоззренческих трансформаций должно было пройти дерево, чтобы превратиться в дерево-умственно ограниченного, тупого человека, в метафору, аксиологическую по сути: А если туп, как дерево, родишься баобабом и будешь баобабом тышчу лет, пока по-мрешь (В. Высоцкий). Сравнения тупого, глупого человека с деревом, частями и остатками дерева широко представлено в системе сравнений: пень пнем 1. Презр. О тупоголовом, крайне непонятливом, глупом человеке [Мокиенко 2003: 311], глуп как пень березовый. Презр. О тупом, бесчувственном и черством человеке [Мокиенко 2003: 311], глуп как бревно. Прост. Презр. О крайне глупом, тупом, ограниченном человеке [Мокиенко 2003: 43], дерево деревом, глуп как дерево. Прост. Неодобр. О совершенно тупом, очень глупом и непонятливом человеке [Мокиенко 2003: 98], глуп как пробка. Пренебр. О крайне глупом, непонятливом и легкомысленном человеке [Мокиенко 2003: 345].

Корреляция предмет – форма (внешний вид) – дурак представлена названиями предметов обуви: глуп как лапоть, серый как валенок, серый (глупый, тупой) как сибирский валенок. Прост. Презр. О крайне глупом, недалеком, невежественном человеке [Мокиенко 2003: 53], тупой как сапог, сапог сапогом. Прост. Презр. О невежественном, ничего не понимающем в чем-либо человеке [Мокиенко 2003: 337], предметов одежды исключительно серого цвета (ср. серость. Перен., разг. Пренебр. О человеке необразованном, невежественном, некультурном, посредственном): серый как солдатская шинель, серый как штаны пожарника. Прост. Ирон. О недалеком и малообразованном человеке [Мокиенко 2003: 495].

Унизительным, по сути, оказывается и включение человека-дурака в состав несвойственного ему класса животных: глуп как сивый мерин. Прост. Презр. О чрезвычайно глупом человеке [Мокиенко 2003: 244], глуп как осел, глуп как тетерев. Прост. Презр. Об очень глупом, крайне непонятливом человеке [Мокиенко 2003: 430], глуп как тумак. Прост. Презр. О чрезвычайно тупом человеке [Мокиенко 2003: 464], глуп как гусь. Прост. Презр. О крайне глупом, самонадеянном и чванливом человеке [Мокиенко 2003: 92], глуп как осел Пренебр. 1. О крайне глупом, тупом, недалеком человеке. 2. О глупом, простоватом и добродушно-ленивом человеке [Мокиенко 2003: 298], глуп как козел. Неодобр. О глупом, тупом и упрямом человеке [Мокиенко 2003: 174], глуп как ишак. Прост. Пренебр. О упрямом и глупом человеке [Мокиенко 2003: 154]. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что языковое сознание народа обращается в сравнениях не только к образам животных, символизирующих глупость в народной культуре (осел), но и к холощеным животным, не дающим потомства (мерин, ишак), к нечистопородным животным (тумак). К тому же здесь снова встречаемся с атрибутивом сивый – в русской культуре к сивой лошади относились как к глупому существу (В. М. Мокиенко).

Актуальной оказывается в сравнениях, именующих дурака, и мотивация действием 'бить, ударять': как дурак набитый (= как дура набитая), забитый как мостовая.

Итак, мотивационные сферы, выявленные нами в ходе анализа русских сравнений, обозначающих дурака, очерчивают как в антропной, так и в не-антропной составляющей системы мотивационных доминант определенные векторы отождествления, как правило, «низшего порядка», позволяющих вербально объективизировать глупость и тупость человека как проявление анти-нормы. Изучив, как народ обозначает в языке определенное понятие, мы знакомимся с образом и спецификой мышления этого народа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. М. (2007): *‘Чоловік’ у слов’янських мовах*. Рівне.
МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Словарь сравнений русского языка*. Санкт-Петербург.
[СРЯ] *Словарь русского языка*. В 4-х т. Москва 1985.
СТЕПАНОВ, Ю. С. (1997): *Константы: Словарь русской культуры*. Москва.

Ладислав Воборил

Чехия, Оломоуц

МАЛЫЕ СЛОВА ВЕЛИКОГО ЯЗЫКА II/1 – «**ФИГА**» –
«**ФИГ**»

ABSTRACT:

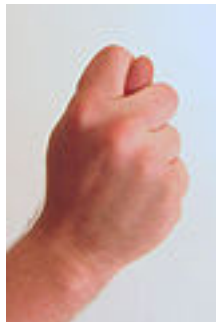
The article deals with analysis of the Russian colloquial and vulgar word 'figa' (fig). In the first part of the article the author explains lingvoculturological aspects of the image, gesture and lexical unit. Symbolic aspects of 'figa' as an image and gesture in various world's cultures are focused on, its equivalents are brought up (e.g. the middle finger or V sign). In the second part linguistic analysis in a narrow sense is carried out, including etymological, semantic, morpho-syntactic and functional aspects of the analyzed unit. Various examples are conveyed, commented and all the Russian idiomatic expressions are given their Czech functional equivalents.

KEY WORDS:

'Figa' – 'fig' – lingvoculturology – symbol – gesture – magic – occultism – the middle finger – V sign – semantics – fig as a gesture – etymology – gender – morpho-syntactic features – functional use – polysemy – vagueness of meaning – translation equivalents.

Мotto:

Умри и будь проклят! И фи́га твоей дружбе! (Уильям Шекспир, «Генрих V»)

о. Вместо предисловия. **Фига** (шиш, кукиш или дуля) – фигура, жест,

выполняемые с помощью одной руки (сложенная в кулак рука с большим пальцем, просунутым между указательным и средним), с одной стороны, и маленькое **слово** великого могучего, востребованное русской народной стихией, породившее ряд дериватов и множество устойчивых и фразеологических сочетаний, с другой, напр., *ни фи́га себе словечко*; *фиг* знает, откуда оно взялось; *фиг* с ним (с фигом); может быть, тебе/вам это и *по фи́гу*, если ты/вы настоящий блюститель философии *пофигизма*; *на фи́га // на фи́га* нам знать; пожалуй, *на фи́г* нас (автора) пошлют с этой *фигней*. А *фиг* вам/тебе (читателю),

который смотришь в книгу, видя *фигу*. Просим извинения за несколько стилистически сниженный, просторечный и отчасти грубоватый тон антре нашей

статьи, цель которого, однако, лишь наметить контуры исследования избранного материала.

В дальнейшем мы намереваемся представить как **лингвокультурные** аспекты «фиги», ее богатое сакрально-магическое и **символическое (образное) начало**, национальные особенности и аналоги, так и **собственно лингвистические** ее свойства, **этимологию, семантику** «фиги» как лексической единицы и ее функциональную нагрузку в современном русском языке, собственно русские ее синонимы, в том числе вопросы произношения и правописания сочетаний с данным словом, их **морфолого-синтаксические** свойства. **Словообразовательные** дериваты «фиги» будут полностью рассмотрены в отдельной статье.

1. Образное сакрально-магическое, символическое начало «фиги»; национальные особенности употребления данного жеста, его аналоги. В настоящее время в России «фига-жест» как демотический знак употребляется прежде всего в конфликтных ситуациях, ссорах, выражая 'резкий отказ', элемент 'утверждения', давления, бездоказательный и 'самый весомый аргумент', часто с оттенком презрения, унижения, причем в целях усиления эффекта может направляться в лицо собеседника-противника (*шиши на рыло, под нос; показать фигу*); иногда со значением 'невысокой цены', 'ничтожности', 'ничего', т.е. отказа, вербальными эквивалентами которого служат, напр., сочетания *ни фигу не получишь, фигу с маслом получишь*.¹ В данном жесте, однако, содержится и сильное эротическое начало, сексуальный намек (в некоторых странах, напр., в Германии, Японии, фигу используется как предложение заняться сексом, см. ниже). Есть и другие значения данной фигуры. «Фига» встречается в разных культурах, у разных народов, которые присваивали «фиге» не только разные названия, но и значения. Поэтому следует проанализировать «разбор по косточкам», начиная, как положено, с Адама, принимая во внимание полноту формы и содержания данного символа, жеста и слова.

Образ дерева² – один из основных символов мировой традиции, ассоциирующийся с процветанием, плодородием и изобилием, олицетворяющий жизнь в разных ее аспектах (*дерево жизни*). Не менее важным, иногда сливающимся с предыдущим, является образ дерева как символа познания, просветления, истины (*дерево познания*), соединяющий в себе символику как мужского, так и женского начала.

Фига (фиговое дерево, инжир, смоква, смоковница, сикомора, фикус), в частности ее части, впитала в себя богатую символику. Она изображается на картинах из райской жизни. Адам и Ева надели в качестве минимальной одежды фиговые листки; это одна, но не единственная причина того, почему на протяжении истории фигу стала своеобразным символом сексуальности, похоти.

В *Древней Греции* фигу была фаллическим символом и атрибутом богов плодородия Приапа и Диониса. Согласно *римской* традиции, фигу – символ

¹ Фонтанов, Г.: *Ну фигу себе!* <http://www.mobus.com/kultura/266855.html>

² <http://sigils.ru/symbols/derevo.html>

процветания; волчица вскармливала Ромула и Рема в тени фигового дерева. В *Египете* сикомора символизировала плодородие, считалась деревом жизни, ассоциировалась с богинями-кормилицами Нут и Хатор; это символ и атрибут богини Исиды. В *Индии* фига – тоже символ плодородия, связывающийся с созидательной силой богов Вишну и Шивы. Фиговый лист, как правило, имеет мужскую символику лингама, а фига – женскую символику йони. Млечный сок, добываемый из фиговых деревьев, в том числе множество семян в плодах, привносят в образ фиги дополнительный сексуальный оттенок. У *буддистов* смоковница ассоциируется со священным деревом Бо, под которым Будда достиг прозрения, просветления. В *исламе* фига – символ райского дерева с запретными плодами; фиговым деревом клялся и Мухамед. И у *евреев* фига обозначает мир, процветание, множество.³

Кажется, что именно образ плодородия, символика мужского и женского принципов, сексуальности и роднит «фигу-дерево» с отдельными его частями и «фигу-жест». Палец, расположенный между указательным и средним, считается в большинстве своем непристойным жестом с обценной семантикой, символизирующим половой акт. Как было сказано выше, цель такого жеста – прогнать прочь, выразить неприятие, отказ вместе с презрением, унижить, оскорбить.

В магической⁴ практике, как пишет Е. Е. Левкиевская, «фига» была универсальным оберегом, средством защиты⁵, способным отвести «дурной глаз»⁶, отгонять опасность, сглаз, нечистую силу и напасть, средством опознания ведьмы или колдуна. Вера в защитное средство «фи́ги» исходит, по всей вероятности, из представления о бесполости духов и демонов, избегающих всякого типа сексуальных намеков. «Фига» (кукиш) использовалась и в народной медицинской практике для лечения глазной болезни (ячмень), когда фигу подносили к глазу, надавливали пальцем на веко и произносили: «*Глазной кукиш, на тебе шиш*».

³ <http://www.liveinternet.ru/users/ketevan/post106817823/>; http://community.livejournal.com/fruits_ru/tag/; <http://radosvet.net/slav/bogi/print:page,1,3760-boginya-isida-izida-2-aya-sila-v-titule-xr-is-t-os.html>; <http://wiki.simbolarium.ru/index.php>

⁴ О мощной энергетике данного жеста можно судить, исходя из следующих соображений: «По данным европейской хиромантии, большой палец, указательный и средний соответствуют Венере, Юпитеру и Сатурну, соответственно. На основе стихийных атрибуций Золотой Зари, большой палец, указательный и средний соответствуют Духу, Воде и Земле, соответственно. Основываясь на ведической атрибуции, большой палец, указательный и средний соответствуют Духу, Воздуху, Огню, соответственно. Объединив эти системы вместе, символизм стихий этого жеста является Духом между Водой, Землей, Воздухом и Огнем, т.е. Духом в центре четырех стихий, пентаграммой». <http://fignius.narod.ru/fig.html>

⁵ Во многих местах мира до сих пор изготавливают талисман-фигу от зависти. <http://fignius.narod.ru/fig.html>

⁶ О мощной энергетике данного жеста можно судить, исходя из следующих соображений: «По данным европейской хиромантии, большой палец, указательный и средний соответствуют Венере, Юпитеру и Сатурну, соответственно. На основе стихийных атрибуций Золотой Зари, большой палец, указательный и средний соответствуют Духу, Воде и Земле, соответственно. Основываясь на ведической атрибуции, большой палец, указательный и средний соответствуют Духу, Воздуху, Огню, соответственно. Объединив эти системы вместе, символизм стихий этого жеста является Духом между Водой, Землей, Воздухом и Огнем, т.е. Духом в центре четырех стихий, пентаграммой». <http://fignius.narod.ru/fig.html>

«Фига-жест» часто воспринимается как аллегория невысокой цены, нуля, ничтожности (вербально, напр., *ни фи́га; а фи́га вам*), что, весьма близко к значению отказа (см. выше). Г. Фонтанов⁷ пишет, что изобретение «фи́ги» (дули) относится к временам формирования торгово-экономических отношений. «До сих пор» – по словам автора, «примитивные торговцы используют десятиричную и двенадцатеричную систему исчисления, которые выводятся из свойств человеческих кистей [...] на основе фаланг пальцев. Большой палец при этом использовался для указания, по какую именно фалангу пальцев нужно вести счет».

«Фига-жест» имеет, однако, некоторые частные оттенки значения, варьирующиеся в зависимости от пространственно-временных координат. В России, кроме значения отказа, оскорбления, нуля, «фи́га» стала символом пофигизма, философии полного равнодушия ко всему. В среде дальнотойщиков и автомобилистов, говорят, показывают фигу в качестве сигнала, стараясь предупредить водителя грузовика или автобуса о застрявшем между спаренных колес камне⁸.

В Германии, как мы сказали выше, «фи́га» символизирует предложение вступить в половую связь и нередко используется немецкими проститутками, уведомляющими таким способом о невысокой цене своих услуг. Подобное относится и к японским уличным дамам, выражающим так готовность обслужить клиента. В Турции и арабских странах данный жест является выражением жесточайшего сексуального оскорбления. В Португалии и Бразилии «фи́га», наоборот, знак удачи. В Индии «фи́га» – знак того, что человек собирается доить козу.⁹

«Фига» и ее сородичи. «Фига» как знак отказа, унижения имеет в мировых культурах ряд аналогов¹⁰. Самым известным в европейском ареале считается так наз. «средний палец», «кур», «фак» (the middle finger, the highway salute, the bird: поднятый средний палец, когда остальные пальцы прижаты к ладони), известный еще со времен Аристофана и древних римлян (лат. *digitus impudicus*). В Великобритании, Ирландии, Австралии в данных целях используется несколько видоизмененный жест «победа» (так наз. V sign), при котором поднятые вверх указательный и средний пальцы образуют букву V. В Иране аналогом «фи́ги» (или среднего пальца) служит жест со сжатым кулаком и оттопыренным большим пальцем, в Шриланке подобная символика передается сжатием ладони, повернутой вверх, в кулак и оттопыриванием указательного пальца вверх. В Испании, Португалии, Италии, Франции, Латинской Америке, отчасти и в других странах (Польша, Чехия, Россия) используется жест, при котором кистью левой руки плашмя ударяют в согнутую в локте правую руку, поднятую вверх (bras d'honneur). В Греции пользуются жестом "moutza" (hand

⁷ Фонтанов, Г.: *Ни фи́га себе!* <http://www.mobus.com/kultura/266855.html>

⁸ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B8%D1%88>

⁹ [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%86_\(%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%86_(%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82))

¹⁰ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B8%D1%88>; [http://en.wikipedia.org/wiki/Finger_\(gesture\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Finger_(gesture))

push), состоящем в выдвигании вперед открытой в сторону адресата ладони, напоминающий русский жест «стоп».

2. Собственно лингвистические аспекты «фи́ги»: этимология и лексическая семантика, русские эквиваленты. По данным словарей и энциклопедий¹¹, «фи́га» как словарная единица имеет три (четыре) основных значения: **1.** ‘инжир, смоква, фиговое дерево, а также плод этого дерева’. В русский язык оно пришло через польский “figa” из средневерхненемецкого “vîge”, древневерхненемецкого “fîga” от лат. “ficus”; **2.** ‘кукиш, шиш, дуля’¹², латышское “spîga”. Тождественно «фи́га 1», ср. итальянское¹³ far la fica ‘делать, показывать кукиш’, франц. ‘издеваться над кем-л.’, греч. ‘клеветник, лживый обвинитель’ букв. ‘показывающий фигу’ (см. сикофант¹⁴). Есть и предположение, что «фи́га» в смысле ругательства¹⁵ произошла от грубоватого немецкого сочетания “fick-fick machen”, которое выражает предложение заняться сексом. Пронося эту фразу, уличные проститутки делали жест наподобие «фи́ги». Данное мнение, однако, вряд ли можно считать оправданным и научным; **3.** ‘сыщик, шпион’ – то же самое что фи́гарис – можно объяснить из «фи́га 2»; **4.** в результате десемантизации, опустошения «фи́га» (обычно ж. р.) может обозначать ‘любую вещь’.

¹¹ <http://ozhegov.info>; http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_7915; М. Fasmer [Фасмер 2004]; <http://www.aggregateria.com/F/fig.html>

¹² Лексическими синонимами «фи́ги» в значении непристойного жеста, ругательства, бранного выражения в русском языке, как указано выше, служат слова «шиш», «кукиш» или «дуля». Проследим их внутреннюю, образную связь с «фи́гой». «Шиш» ассоциируется с *шишками*; донские казаки, в свою очередь, называли *указательный палец* «шишок». Бурлаки звали своего *голову* «шишом». «Кукиш», «кука» = 1. ‘кулак’ (и в болг. языке), в лит. *kaikas* ‘шишка, нарыв’; 2. ‘ягода шиповника’. «Дуля» – ‘дерево и плод груши *Pirus communis*’ (ср. укр. *гдуля*, чешск. *kdoule*). Хотя это скорее наивный, чем научный вывод, параллель между «фи́гой» и ее русскими аналогами видится прежде всего в том, что все они обозначают либо разного рода плоды, более или менее круглой формы, либо кулак или палец, элементы чего содержатся собственно в данной фигуре. Однако надо добавить, что данные синонимы могут заменять «фи́гу» только в некоторых контекстах. Напр., можно сказать *показать фигу/кукиш* или *получить фигу/шиш с маслом*, но нельзя сказать **послать на шиш/кукиш* или **кукиш с ним*, **ни шиш*, **кукиша с два* и т.п. В ср.-итальянском языке это выражение (может быть, вследствие контаминации с “fiscare” – ‘втыкать’, ‘вгонять’, ‘всовывать’) получило непристойно-вульгарный смысл (Bloch – Wartburg 2002: 250) см. <http://www.enci.ru/%D0%A8%D0%B8%D1%88>

¹³ В ср.-итальянском языке это выражение (может быть, вследствие контаминации с “fiscare” – ‘втыкать’, ‘вгонять’, ‘всовывать’) получило непристойно-вульгарный смысл (Bloch – Wartburg 2002: 250) см. <http://www.enci.ru/%D0%A8%D0%B8%D1%88>

¹⁴ В этой связи необходимо упомянуть о так наз. сикофантах. Сикофант (греч. *σικοφάντης*, от *σῆκος* – фи́га и *φαίνω* – доношу), в Древней Греции, по-видимому, первоначально лица, доносившие о запрещенном вывозе смоквы (фи́ги) из Аттики. Уже со 2-й половины 5 в. до н. э. слово «Сикофант» стало нарицательным и приобрело более широкий смысл: в Афинах и других полисах Древней Греции Сикофантами называли профессиональных доносчиков, клеветников и шантажистов, которые собирали сведения, компрометирующие влиятельных граждан, чтобы, возбудив против них судебный процесс, свести политические счёты, получить взятку или часть конфискованного имущества осуждённых. [<http://bse.sci-lib.com/article102038.html>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ru-wiki/97448>] Значит, сикофант – это тот, кто показывает фигу вместо доказательства. <http://www.enci.ru/%D0%A8%D0%B8%D1%88>

¹⁵ <http://www.enci.ru/%D0%A8%D0%B8%D1%88>

3. Формально-содержательная (морфолого-синтаксическая и семантическая) характеристика сочетаний со словом «фига». Опыт перевода на чешский язык. Вопросы правописания и ударения.

В корпус материала для наших наблюдений над словоформами «фига»/«фиг» вошло около 500 контекстов употребления данных единиц, собранных большей частью в Национальном корпусе русского языка [ruscorpora.ru], из которых после отчисления повторяющихся словоупотреблений образовался минимальный корпус в 90 единиц. В целях описания и упорядочения материала мы используем формально-содержательный подход, учитывая родовую принадлежность слова, падежную форму, частеречную характеристику, синтаксическую функцию всего сочетания. В рамках данной структуры даются значения отдельных сочетаний и их чешские эквиваленты. Примеры приводятся в той форме, в которой они найдены, включая ошибки, опечатки.

Первое, на что мы должны обратить внимание, анализируя словоформу «фига», – это ее двойственная родовая принадлежность к мужскому и женскому роду (этот факт засвидетельствован и в словаре Ожегова [Ожегов, Шведова]). Кажется, будто бы символика фиги, образа мужского и женского начала, нашла свое отражение и в языке. Но это с нашей стороны лишь спекуляция. Результаты анализа корпуса выявили, что форма мужского рода по количеству превалирует над формой женского рода данной словоформы.

ФИГА, – и ж. р.

Если словоформа «фига» используется в женском роде, то она имеет морфологический статус существительного, употребляется в любой падежной форме во всех присущих существительным синтаксических функциях, обозначая:

(1) ‘дерево’, ‘плод’, напр., ... *на мизинце посверкивает бриллиант величиной с **фигу*** (... na malíčku se blyštěl briliant velký asi jako **fik**) [1];

(2) собственно жест ‘кукиш’, ‘дулю’, напр., ... *и протянула восьмилетнему правнуку под нос великолепную **фигу** с сильно торчащим вперёд ярко-красным ногтем большого пальца (... **ostrouhala** svému osmiletému vnukovi pěkně velkou **mrkvičku** přímo pod nosem)* [2], *Пофигист – это тот, кто вытащил свою **фигу** из кармана* („Pofigista“ to je člověk, který má vše na háku a celému světu ukazuje **prostřední prst**) [3];

(3) ‘нуль’, ‘ничто’, напр., *От сбережений я имею **фигу*** (Z úspor mi zbyl **pendrek**) [4], *Народ получил взамен прав и благ «либеральную **фигу**»* (Místo práv a výhod lidí **utřeli nos**) [5], ***Фигу** вам, а не плюрализм! (**Velké kulové**, а не pluralitu!)* [6];

(4) ‘любую вещь’, напр., *Короче, эта мраморная **фига** держится на честном слове* (Jednoduše řečeno, tahle mramorová **hrůza** drží jen na čestné slovo) [7].

Из приведенных примеров вытекает, что данная лексическая единица подвергается постепенному семантическому опустошению (десемантизации), что в известной степени затрудняет процесс перевода на чешский язык. Последний осложнен и фактом отсутствия в чешской лингвокультурной среде для выражения ‘отказа’ русского «кукиша».

Фиг, а – м. р.

С просторечной формой «фиг» (в исходном значении ‘кукиш’, ‘шиш’) обстановка не уж так проста для обобщения, ибо она образует целый ряд более или менее устойчивых сочетаний, выражающих отказ, отрицание, презрение, незаинтересованность, недовольство, отсутствие чего-л.; семантика собственно слова «фиг» довольно расплывчата и отступает на задний план. Размытость можно наблюдать и на уровне морфолого-синтаксической характеристики. Встречаются варианты, напр., *на фиг // на фи́га, по фиг // по фи́гу*; неустойчивость имеется и на уровне правописания и простановки ударения – слитно или раздельно / ударение на предлоге или на слове: *нафиг // на́ фиг, нафига // на́ фи́га, пофиг // по́ фи́гу*. По данным русского орфографического словаря В. В. Лопатина, данные сочетания пишутся раздельно.

Фиг, а – м. р. ед. ч. именительно-винительный падеж. Весь следующая раздел разбит, так сказать, на свободные (8–19) и устойчивые (20–30) сочетания. В результате десемантизации, будучи существительным, словоформа «фиг» (8–19) может или приобретать функциональные характеристики других частей речи (говорят о так наз. функциональных омонимах): существительного-местоимения в синтаксической функции подлежащего (8); предикатива (9–10); счетного существительного (11–14), междометия (17–19), или быть частью других словоформ: союза (15), частицы (16). Отличительной чертой примеров 8–19 является их формально-синтаксическая связь со всей структурой конструкции предложения-высказывания.

Пиенная каша с фиг знает какой байдой была, – кричит мне из сортира казармы (s búhví jakou) [8]; Они же потом куда-нибудь запропастятся. А что касаето Молдавии, Таджикистана, Киргизии – не фиг было экономические связи рвать (neměli trhat) [9]; Фиг ли ему объяснять про Женевскую конвенцию и добровольную помощь! (na so, k čemu) [10]; На дно лягут – фиг найдешь! (houby, pedrek) [11]; И выгодно – вложений-то с гулькин фиг (velké nic) [12]; И к этому краю ты еще фиг подойдешь (kousek, krůček) [13]; ... в случае родов шансов выжить матери ноль целых фиг десятых (nula) [14]; Не было бы пенальти фиг бы Спартак забил Чонтофальски!!! (neudělal by to) [15]; На выборы что, мировая общественность пойдет? Фиг там – наша! А нашей это дело очень даже нравится! (kdepak) [16]; Фиг эта Верочка придёт (houby) [17]; Да ты, наверно, из ружья и стрелять-то не умеешь. – Фиг, врешь, умею (houby) [18]; А теперь значит, когда у их сыночка все привилегии, я не подхожу? Фиг:) (táhni) [19].

Примеры 20–30 нами выделены в самостоятельный раздел прежде всего ввиду того, что в качестве более-менее неразложимых прагматических маркеров отказа они приводятся в ряде словарных статей (*фиг тебе, фиг с тобой, иди/пошел (на фиг), на фиг*), следовательно, мы должны рассматривать их как одно целое. Они образуют или самостоятельные высказывания, или придают эмоционально-экспрессивную окраску другому высказыванию. Почти все сочетания и выражения можно, по нашему мнению, считать междометиями, так как у них нет самостоятельного номинативного значения, они не называют,

а только выражают чувства, эмоции [СРЯ 2006: 183]. Только в случае 27–28 предложно-падежное сочетание «на фиг» несет наречный характер, выражая обстоятельственные оттенки.

Может, пойдём пешком? – Фиг тебе! (Houbu!) [20]; ... он заметил, что Олег, Миша и Марио изо всех сил бегут за ним. – Фиг вам! – засмеялся он (Vyližte si voko!) [21]; игра не стоит свеч, что надо было сохранить все зубы и фиг с ним с прикусом (čert vem skus) [22]; – Ладно, – сдался Макс, – фиг с тобой, подожди, сейчас решу проблему (dobrá) [23]; Да пошли они на фиг. Это джаз? (Ať jdou do háje) [24]; Да, кстати, придешь домой – собирай вещички и уматывай на фиг (vypadni, padej) [25]; Прогони его на фиг, ему еще рано возвращаться! (Ať jde někam) [26]; Нет, ну а на фиг мне надо? – показания какие-то (vůbec nemám zapotřebí) [27]; Складывается ощущение, что на фиг им не нужно мнение форумчан (že kašlou na názory) [28]; На фиг, не дам себя больше ни во что втянуть (houbu, tudle) [29]; Какой там, на фиг, единый стиль и выдержанный тон! (Ale jdi, sorak) [30].

Фиг, а – м. р. родительный падеж

Форма род. п. ед. числа «фига» используется или самостоятельно, или образует ряд устойчивых сочетаний, каждое из которых придется рассмотреть в отдельности. Думается, что основным объединяющим все приведенные ниже сочетания базисом является интенсификация основного денотативного содержания, выражение разных определительных оттенков. «До фига» выражает ‘очень много’, «ни фига», наоборот, ‘совершенно, совсем ничего’, «на фига» ‘зачем’, ‘для чего’, ‘к чему’, «ни фига себе» – удивление, возмущение. С точки зрения грамматической семантики, предложно-падежные сочетания «до фига» (32–33), «на фига» (34–35) принадлежат к наречиям («на фиг» см. выше). Наречно-определятельный оттенок значения с оттенком усиления передается и посредством сочетания «какого фига» (31). По содержанию «ни фига» в примерах (36–38) является функциональным эквивалентом местоимения «ничего», в случае (39–40) «ни фига» выражает наречное значение ‘совсем не’, ‘вообще не’. «Ни фига себе» в самостоятельном употреблении (41–42) функционально принадлежит к междометиям, выражая отказ, удивление, возмущение. В сочетаниях *ни фига себе выезд*, *ни фига себе свидетель* все сочетание «ни фига себе» можно считать частицей, ибо оно выражает отношение говорящего к высказыванию (положительное или отрицательно-ироничное).

*Митрофанова, какого **фига** картошку так крупно порезала? (safra grošrak) [31]; Там и про Одри Хепберн **до фига** всего есть (**strašně** moc) [32]; Выпила Фервекс несколько раз, Эффералган, **пью до фига, лимоны, витамины**, а температура не сползает и надо ли вообще ее понижать? (**bůhvíkolík**) [33]; Я думаю, ладно, не буду из-за ерунды поднимать скандал. – А **на фига** я её покупал? (пасо **sakra**) [34]; Они за это деньги платят. **На фига** им Закомельский?! (К četuprak jim je **sakra**) [35]; Она же тупая. Не поймёт **ни фига** (Starou **bačkoru** rochorí) [36]; А смысл за них писаться тогда. Всё равно **ни фига** не изменишь (Stejně **prd** změníš) [37]; Ты знаешь, сынок, пора тебе кое-что узнать... – **Ни фига** подобного (**Tudle**, nic takové-*

ho) [38]; *Нет / ни фи́га я их пока не покажу (anizanic)* [39]; *Архив ни фи́га не работает, зараза, не могу найти – чем лечить-то? (krucinál)* [40]; *Сказали – иди домой и спи. – Ни фи́га себе, – протянула она (To jsou ti ale věci!)* [41]; *Да ещё служебная! Ни фи́га себе! (No to jsou věci!)* [42]; *Ты что, про этот выезд не знала? – Ни фи́га себе выезд! (Tomu ty říkáš jízda!)* [43]; *Я сама вас вижу в первый раз! «Ни фи́га себе свидетель!» – подумал я (Pěkný svědek!)* [44].

Фиг, а – м. р. ед. ч. дательный падеж

Мне-то по фи́гу, бумага ваша, хоть всю переведите, но за такую печать хрена вы от меня получите! (šumafuk, ukradený) [45]; *А ему, собственно, по фи́г (Je ti to ukradený)* [46]. Предложно-падежное сочетание «по фи́гу», «по фи́г» наречного характера выражают значение ‘совершенной утраты, отсутствия интереса к кому-л. или чему-л.’.

Фиг, а – м. р. ед. ч. творительный падеж

– *А за каким фи́гом вам Ксюха? – Потом объясню, – отмахнулась я и ушла (na co safra)* [47]; *И у всех одна мысль: за каким фи́гом это мы так загибались, спрашивается (k čemu probíh)* [48]. Данные сочетания опять-таки наречного характера имеют значение ‘зачем’, ‘к чему’, ‘для чего’, что относится и к следующему сочетанию «с каких фи́гов».

Фиг, а – м. р. мн. ч. родительный падеж

– *А девушку нам оставишь. – С каких это, братцы, фи́гов? – спросил я (A to jako proč?)* [49].

4. Место заключения. Подводя итог описанному, хочется сказать, что «фи́га» нынче стоит перед нами как мощный символ, образ, насыщенный многими смыслами, в том числе как жест, довольно популярный в разных культурах, имеющий ряд своих собратьев-аналогов. Богатство символики дало возможность возникнуть целому ряду сочетаний с данным словом, сочетаний более свободного или устойчивого, идиоматического характера, в которых подлинная семантика ключевого слова растворена и преломлена совсем в другое значение.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА/ИСТОЧНИКИ:

- Finger (gesture)*. URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/Finger_\(gesture\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Finger_(gesture))
 СТЕПАНОВА, Л. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého. www.ruscorp.org
Богиня Исуда. URL: <http://radosvet.net/slav/bogi/print:page,1,3760-boginya-isida-izida-2-aya-sila-v-titule-xr-is-t-os.html>
История происхождения фи́га. URL: <http://fignius.narod.ru/fig.html>
Книга символов. Фи́га. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=493#1>
Краткая энциклопедия символов. URL: <http://wiki.simbolarium.ru/index.php>
 КРОТОВ, Я.: *Фи́га*. URL: http://www.krotov.info/yakov/2_chlvek/1_bez_sv/figa.htm
 ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е. Е. (1994): Кукиш. In: Н. И. Толстой: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3. М., с. 26–27. URL: <http://ec-dejavu.ru/k/Kukish.html>
 ЛОПАТИН, В. В. (отв. ред.) (2004): *Русский орфографический словарь*. 2-е изд. испр. и доп. М. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/lopatin/>
 НИКОЛЕНКОВА, Н. В. (2007): *Орфографический словарь и кодификация современной нормы: проблемы несогласованности*. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_242.shtml
 МОКИЕНКО, В. М. (2004): *Русская бранная лексика. Цензурное и нецензурное*. In: *Русистика*. № 1/2. Берлин. С. 50–73.

- ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю.: *Толковый словарь русского языка*. URL: <http://ozhegov.info>
Сикофант. URL: <http://bse.sci-lib.com/article102038.html>
Сикофант. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/97448>
Символы и знаки. Дерево. URL: <http://sigils.ru/symbols/derevo.html>
Символы фигового дерева. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/ketevan/post106817823/>
Словарь русского арго. URL: http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_7915
Средний палец. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
СРЯ. БАБАЙЦЕВА, В. В., НИКОЛИНА, Н. А., ЧЕСНОКОВА, Л. Д. и др. (2006): *Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис*. М.: Издательский центр «Академия».
ФАСМЕР, М. (2004): *Этимологически словарь русского языка*. М.: ООО «Астрель».
Фиг. URL: <http://www.aggregateria.com/F/fig.html>
Фига. URL: <http://www.slovopedia.com/22/212/1644257.html>
ФОНТАНОВ, Г.: *Ну фига себе!* URL: <http://www.mobus.com/kultura/266855.html>
Фруктовый рай. URL: http://community.livejournal.com/fruits_ru/tag/
Фиш. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B8%D1%88>
Фиш. URL: <http://www.enci.ru/%D0%A8%D0%B8%D1%88>
ШКАПЕНКО, Т. М., ХЮБНЕР, Ф. (2003): *Русский «тусовочный» как иностранный*. Калининград: ГФУИПП «Янтар. сказ».

СВЕТЛАНА ГАСЬ

Польша, Познань

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СООБЩЕНИЙ ДЛЯ СМИ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

АБСТРАКТ:

This article is devoted to some differences in language using in press releases of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. Press release is a specific kind of communication between countries and between the country and the people. The author analyses lexical aspects of this communication.

KEY WORDS:

Discourse – diplomacy – press release – diplomatic discourse.

Сообщения для СМИ в дипломатическом дискурсе (например, в отличие от дипломатических нот, конвенций и т. д.) имеют вторичную функцию. Более того, как утверждает Ю. Сутор – один из наиболее ценимых в Польше знатоков дипломатического права – «сухие сообщения для СМИ» находятся на последнем месте в списке специфических форм выражения занятой позиции государством [Sutor 2008: 427]. Тем не менее, языковые особенности сообщений для СМИ представляют интерес хотя бы потому, что являются особой формой коммуникации не только между государствами, но и коммуникации государства с общественностью (непосредственно на официальных сайтах или с помощью средств массовой информации). Сообщения в данном случае выполняют информативную функцию, являются своего рода отчетностью перед обществом о своей деятельности, но и способом влияния на общественное мнение. Таким образом, анализ языковых особенностей текстов данного типа, в первую очередь, лексики, с применением метода количественного подсчета, безусловно, обогатит дальнейший дискурсивный анализ.

Материалом для статьи послужили тексты объемом 90.000 словоупотреблений (по 45.000 для каждого языка), опубликованные на официальных сайтах МИД России и Польши. В итоге было проанализировано 284 текста на рус-

ском языке и 298 текстов на польском языке. Временной период, к сожалению, не совпадает. Для создания сообщений для СМИ объемом 45.000 словоупотреблений МИД РФ «потребовалось» чуть более двух месяцев (11.02.2009 – 22.04.2009), а МИД РП – целый год (20.05.2008 – 01.06.2009). Перейдем к непосредственному анализу текстов.

1. Структура

Обратим внимание лишь на одно важное отличие. В текстах на польском языке всегда указывается фамилия автора, а сообщения МИД РФ всегда «анонимны». Анализируемые нами польские сообщения написаны одним автором – пресс-атташе МИД Польши Петром Пашковским. Можно предположить, что сообщения на русском языке также принадлежат перу одного автора, однако благодаря отсутствию фамилии автора в языковом сознании рядового носителя языка возрастает ранг сообщения. В русском дискурсе это сообщения Министерства иностранных дел, а в польском дискурсе это сообщения пресс-атташе от имени Министерства иностранных дел.

2. Дипломатическая терминология

Безусловно, ядром дипломатической терминотерминологии являются собственно дипломатические термины. Эти термины не могут не появиться в сообщениях МИД, при чем большинство терминов понятны (хотя бы частично) специалисту (см. также [Гась 2008]). Итак, например, в польских текстах встречаются следующие термины: *nota dyplomatyczna, ambasada, ambasador, konsul generalny, przejście graniczne, porozumienie, memorandum, stosunki dyplomatyczne, dyplomacja, korpus dyplomatyczny* и т.д. Заметим, что в текстах МИД России, кроме вышеупомянутых терминов, широко представлена терминология международного права: *верховенство права, демаркация государственной границы, лица без гражданства, международное гуманитарное право, политико-дипломатические средства, нормы международного права, принцип преемственности, территориальная целостность* и др.

3. Другая частотная лексика

К частотной лексике, имеющей ключевое значение, в рассматриваемых нами текстах можно отнести наименования должностей (заметим, что если в польских сообщениях употребляются как полные, так и сокращенные наименования должности министра, то в текстах МИД России, например, всегда употребляется полное наименование *Министр иностранных дел Российской Федерации*), названия государств, учреждений (например, *Министерство иностранных дел*). Кроме того, значимыми являются лексемы *диалог, взаимодействие, отношения, сотрудничество, урегулирование*. Интересно, что если в русском дискурсе *отношения* чаще всего *двусторонние, сотрудничество – двустороннее* или *международное*, то в польском дискурсе акцентируется экономический аспект взаимодействия (*współpraca gospodarcza, relacje gospodarcze*). С другой стороны, если в текстах на русском языке лексема *кризис* появилась 38 раз (с прилагательными *финансовый, экономический, глобальный, мировой*), то в польских текстах – только 2 раза.

4. Лексические и синтаксические особенности сообщений о встречах разного уровня

Как в польских, так и русских сообщениях преобладает тематика встреч разного уровня. (1/3 сообщений МИД Польши и почти 2/3 сообщений МИД России). Данные тексты всегда начинаются с обстоятельства времени (когда произошла встреча). В текстах на русском языке самым частотным предложением, вводящим тематику сообщения, является *когда кто принял (для беседы) посла* (67 раз). Предложение с данной структурой исключительно касается случаев, когда участники встречи имеют разный ранг по дипломатическому протоколу (например, министр иностранных дел или заместитель министра может *принять* посла). О встречах на равных правах в текстах на русском языке преобладают предложения типа *Когда состоялась встреча кого с кем* (36) и *кто когда встретился с кем* (21). В польских сообщениях первое предложение напрямую связано с заголовком текста. Так, если в заголовке употреблена лексема *wizyta* (*визит*), то в первом предложении почти всегда также появится эта лексема, то есть предложение будет иметь следующую структуру *Kiedy kto złożył (złoży) wizytę* (26) или *Kiedy kto przebywa z wizytą* (14). Если же в заголовке появляется лексема *spotkanie* (*встреча*), то чаще всего первое предложение будет выглядеть так: *Kiedy kto spotkał się z kim* (Когда кто встретился с кем) (19). Заметим, что глагол *przyjąć* (*принять*), столь частотный в текстах на русском языке, в сообщениях польского МИД появился только два раза, и при этом министр *принял* не посла, как это имело место в сообщениях МИД России, а другого министра (Министра обороны Украины и Министра Канады).

Нередко сообщается об инициаторе встречи. Так, в текстах на русском языке 22 раза появилось выражение *по его просьбе*. Данное выражение появлялось всегда в предложениях типа *Когда кто принял посла по его просьбе*. В сообщениях на польском языке данного выражения не отмечено вообще. Кроме того, в текстах МИД России частотно выражение *по инициативе какой стороны* (12). В польских же сообщениях чаще всего употребляется выражение *na zaproszenie kogo* (*по приглашению кого*).

Как правило, во втором абзаце перечисляются проблемы, рассматриваемые на встрече. Среди наиболее частотных выражений следует упомянуть *в ходе беседы* (67 раз в сообщениях МИД России) и *program wizyty* (17 раз в сообщениях МИД Польши). И тут можно сказать, что Сутор прав, называя сообщения для СМИ «сухими». Именно такими кажутся польские тексты по сравнению с русскими. Так, в сообщениях МИД России широко применяются эпитеты (например, *обмен мнениями может быть обстоятельным, открытым, конструктивным, подробным, заинтересованным, продуктивным, полезным, регулярным, интенсивным, заинтересованность может быть обоюдной, взаимной, двусторонней*), употреблены с различной частотностью свыше 30 словосочетаний, обозначающих общность взглядов переговаривающих сторон, около 20 словосочетаний, выражающих положительную оценку, и свыше 10 – отрицательную. Кроме того, в текстах на русском языке отмечается характер прошедшей беседы (например, *в деловой, доверительной, конструктив-*

ной, откровенной атмосфере, в доверительной, конструктивной, спокойной, транспарентной обстановке). В сообщениях МИД Польши подобные словосочетания встречаются намного реже.

5. Аббревиатуры

Как в сообщениях МИД Польши, так и МИД России встречаются общепринятые и общеизвестные аббревиатуры (ООН – ONZ, МИД – MSZ, США – USA, ЕС – UE и др.), так и аббревиатуры малоизвестные, часто созданные в целях экономии (например, СПЧ – Совет по правам человека, ПКДСР – Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом). Во втором случае вначале дается полное наименование, а потом предлагается аббревиатура. Добавим, что в польских текстах встречаются весьма нетипичные аббревиатуры SZ, NZ (например, *ministerstwo SZ*) и иноязычные аббревиатуры.

6. Иноязычные вкрапления

Иноязычные элементы свойственны текстам на польском языке. Наименования организаций, заглавия статей, названия конференций, аббревиатуры часто остаются в текстах в оригинальной форме, без перевода на польский язык.

7. О продвижении собственных инициатив

Не только в дипломатии, но в дипломатии особенно, действует правило, если хочешь, чтобы об этом все говорили, начни говорить сам. Так, оба государства являются инициаторами проектов, которые активно вводят в жизнь. Например, инициативой президента Российской Федерации является *Договор о европейской безопасности*. Наименование данного проекта появилось в анализируемых текстах 18 раз (хочется сделать акцент не на том, что это выражение появилось 18 раз в 284 текстах, а на том, что оно употреблено 18 раз в течение 2,5 месяцев – и это только в сообщениях для СМИ). Подобную ситуацию мы наблюдаем и в польских текстах. Польша является одним из инициаторов так называемого *Восточного партнерства*. А именно это словосочетание в текстах получает особое звучание.

8. Вместо заключения

Сообщения МИД Польши прежде всего информируют граждан как о своей деятельности, так и о ситуации в других государствах (наводнения, ДТП, демонстрации). Сообщения МИД России не только информируют, но и воздействуют.

Подробный анализ языковых особенностей текстов может стать базой для дальнейшего дискурсивного анализа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГАСЬ, С. Г. (2008): Образ России в российском дипломатическом дискурсе. In: *Investigationes Linguisticae*, 16, s. 25–32. URL: http://www.inveling.amu.edu.pl/pdf/Swietlana_Gas_inve16.pdf
SUTOR, J. (2008): *Prawo dyplomatyczne i konsularne*. LexisNexis.

МАРТИНА ВАН ГАУБЕРГЕН

Бельгия, Брюссель

ПОНЯТИЕ *ВРЕМЯ* В РУССКОМ И ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

ABSTRACT:

Russian culture is usually considered as being more polychronic than French culture. This is an assumption which will be used as an axiom for the present purposes, not as a hypothesis to be supported with evidence. If, indeed, Russian time-perception is more polychronic than the French one, it is interesting to analyze some lexicographic approaches in the light of this distinction between the two languages.

KEY WORDS:

Polychronic time – Sapir-Whorf Hypothesis – intercultural communication.

Кант выделял время и пространство как субъективные формы познания, через которые внешний мир воспринимается человеческим опытом.

Эйнштейн, в свою очередь, утверждал, что именно язык был главным противником его теории относительности, ибо диктовал расчленение категории времени и пространства, в то время как на самом деле они являются нерасторжимым целым и существуют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. И его утверждение, кстати, подкрепляется установлением, что в некоторых африканских языках одно и то же слово обозначает и «время» и «пространство».

В том же духе, но в этот раз в области литературы, можно также понимать потребность нового понятия, которую испытывал М. М. Бахтин, когда он прибегнул к термину «хронотоп». Термину, которым он определял пространственно-временное единство, придающее смысл духовной и материальной реальности, в центре которой находится человек. Большое внимание Бахтин уделял хронотопу *встречи* как сюжетообразующему элементу в структуре романа. *Встреча* является ни чем иным как лишь совпадением пространства и времени: «*встретимся там то в такое то время.*»

В новой области исследований, которой является межкультурная коммуникация, также выделяется большое внимание восприятию времени и пространства. Самым интересным анализом в этом отношении является теория

американского антрополога Э. Т. Холла, который ввёл в обиход термины «монокронное» и «полихронное» восприятие времени. Эти уже широко распространённые понятия часто употребляются в слишком упрощённом виде, что иногда даёт повод для неправильных заключений, например, отождествления полихронного восприятия времени с замедленным темпом развития, с хаосом или не-пунктуальностью. На первый вид эти явления могут казаться характерными для полихронных культур, но только в том случае, если на них смотреть со стороны монокронной интерпретации мира. Более правильным было бы сказать, что полихронный темп, полихронное отношение к пунктуальности и полихронное чувство порядка развёртываются по своим законам, которые могут оказываться то медленнее, то быстрее, то небрежнее, то аккуратнее по сравнению с монокронными параллелями.

Изучая разные восприятия времени сам Э. Т. Холл не делает таких поспешных заключений и объясняет разницу между ними в том, что в монокронной системе человек занимается каждым делом по очереди, посвящает одному занятию один определённый отрывок времени, а в полихронной системе человек одновременно занимается разными делами. Монокронная культура, значит, смотрит на время как на прочную и общепринятую референцию, которая является объективной внешней нормой, а полихронная культура смотрит на время как на окружающее пространство, в котором вертится человек. Из этого можно сделать вывод, что в монокронной культуре человек занимает то место, которое ему предназначает линейный временной график, в то время как член полихронной культуры выплывает и встречается с другими людьми в окружающей временной ситуации, в которой ему приходится договариваться о своём месте. Непосредственное, вследствие такой ситуации, является многосторонним и двигающим подходом ко времени, который можно сравнивать с меняющимся движением калейдоскопа. Сюда вступают в игру много человеческих окрасок: настроение, намерение, желание, симпатия или антипатия и всякие другие эмоции или интенции.

Если исходить из категорий Э. Т. Холла о восприятии времени, то мы из них как самый главный дифференциальный фактор можем вывести другое отношение между временем и пространством. В полихронных культурах взаимоотношение между временем и пространством будет более тесным, в результате чего подчёркивается момент *встречи*, будь то встреча людей между собой, или встреча людей с природой или с историей или с предметами.

Обычно русская культура считается более полихронной, чем западная, и интересно было бы проследить, каким образом эта культурная разница выражается в языке.

Сегодня, когда в России исследования в области лингвистики интенсивно занимают лингвокультурными элементами языка, перед нами выступает большой выбор научных работ. В нашем настоящем исследовании мы пользовались следующими работами:

Е.С. Яковлева: *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*, М. 1994; А. А. Зализняк, И. Б. Левонти-

на, А. Д. Шмелев: *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, М. 2005; В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон: *Языковая картина мира и системная лексикография*, Языки славянских культур, М. 2006.

Эти, ныне популярные в России исследования, родственны гипотезе Сепира-Уорфа, которая сама опирается на идеи Вильгельма фон Гумбольдта, и согласно которым структура языка определяет мышление и способ познания реальности. Гипотеза Сепира-Уорфа, которая стала известной в 50-х годах, очень быстро, уже в 60-х, была опровергнута, между прочим успешным прорывом гипотез Ноама Хомского и Стивена Пинкера, которые аргументируют, что мышление не зависит от языка, что, на самом деле, оспаривает гипотезу Сепира-Уорфа. Но в конце 80-х годов, наверное под влиянием межкультурной антропологии и вообще под влиянием процесса глобализации, идея Сепира-Уорфа опять набирает силу. Дискуссия, лежащая под этим, это вечный и нерешимый философский вопрос, который противопоставил Платона и Аристотеля, а именно вопрос о напряжённом отношении между мышлением и бытием. Но этот вопрос мы сдвинем в сторону и весело пойдём за Сепиром и Уорфом. Потому что узнать, действительно ли это всё так, как предполагает их гипотеза, является вопросом без ответа. Но то, что речь идёт о весьма увлекательной материи, это факт.

Выбранные мною примеры из вышеупомянутых работ, все непременно связаны с указанием времени.

Лингвокультурный элемент исследованных слов авторы почти всегда аргументируют на основе трудной переводимости этих слов или на основе существования ряда псевдосинонимов, которые на самом деле не могут просто так заменить рассматриваемые слова.

Первая интересная и многозначительная констатация – это сосуществование двух русских слов для одного понятия: время и пора. Эти два слова более или менее функционируют как синонимы, и если заглянуть в переводческий русско-французский словарь, то получится (Щерба):

ВРЕМЯ	1) <i>temps</i>
2) (<i>период, эпоха</i>) <i>temps, époque, saison</i>
3) (<i>час, срок</i>) <i>heure</i>
4) (<i>пора дня, года</i>) <i>послеобеденное время / каникулярное время: après-midi / vacances</i>
5) <i>gram. temps présent, passé...</i>
6) <i>pred.impers. il est temps de...</i>
ПОРА	1) <i>temps, époque, période, saison</i>
2) <i>pred. impers. Il est temps de / il est grand temps de</i>

Екатерина Яковлева изучает целый ряд высказываний, в которых эти два слова не просто взаимозаменяемы. Так, например, можно сказать *время течёт*, но нельзя говорить **пора течёт* или *иметь время*, но не **иметь пору*. При отрицании нельзя говорить **теперь не пора спорить*. Иногда одно из

этих двух слов стилистически более предпочтительно: например, в комбинации с дательным падежом скорее говорят *тебе пора спать*, чем *тебе время спать*. Екатерина Яковлева также упоминает выражения, в которых употребляются оба слова, но с разными коннотациями. Например, *пора ложиться* звучит более императивно, чем *время ложиться*.

После тщательного анализа употребления этих квазисинонимов Е. Яковлева приходит к выводу, что слово *пора* относится к циклическому восприятию времени. А раз циклическое восприятие времени всегда подразумевает замену и субституцию, понятие *пора* содержит в себе момент созревания и момент появления. Здесь мы и узнаем нюанс, внесённый в словарь, где в переводе *пора что-то делать* в безличном предикативном употреблении добавляется идея ***grand temps*** по сравнению с эквивалентом *время что-то делать*.

Мы могли бы, но, конечно, с очень большой осторожностью, сблизить концепт циклического времени с понятием полихронности Э. Т. Холла. Во всяком случае, в обоих случаях время воспринимается как данное, которому подвержен человек, а не как контролируемый измерительный прибор. Каким-то образом, это предполагает большую пассивность по отношению к действительности, которая всё равно превышает наши силы. С другой стороны, можно говорить и о какой-то форме большей активности в том смысле, что человек должен как индивидуум найти своё место в этой действительности и как-то управлять своими движениями *туда-сюда*. Этим объясняется разное понимание активности/пассивности в полихронных и монохронных культурах. Нет лучшего примера, чем тот, в котором якобы пассивное поведение Кутузова, который в войне с Наполеоном ждёт своё время и при этом вписывает свои действия и бездействия в естественный цикл времён года.

Другим интересным замечанием по поводу употребления языковых отражений времени является разное толкование на русском и на французском языке слова *утро* и *matin*, как это описано в работе А. Зализняк и А. Шмелёва. Исходя из того, что французы, даже когда очень хорошо владеют русским языком, иногда не совсем адекватно употребляют приветствие *доброе утро*, авторы приходят к выводу, что во французском языке отрывок времени, который обозначается словом *matin*, ограничивается ориентиром в организации дня, имеющим место в полдень, в 12 часов. По-английски это ещё яснее выражается употреблением латинских формул *ante meridiem* и *post meridiem*. Но в то же самое время по-французски говорят *à une heure du matin* там, где для русских ещё не может быть и речи об *утре*. Но специфика русского слова *утро* ещё шире, чем в упомянутых примерах. Как отличительный фактор Зализняк и Шмелёв выдвигают гипотезу, что часть дня на русском языке определяется в первую очередь деятельностью, которая в то время происходит. А во французском языке, наоборот, деятельность определяется по той части дня, которая посвящена той или иной деятельности. В качестве примера авторы предлагают чуть ли не универсальный характер обеденного перерыва в европейских странах, в том числе и во Франции, где он имеет место между 12-ым и 14-ым часами. Всё то, что располагается до этого, относится к *matin*, а то, что по-

сле этого - к *après-midi*. А *утро* для русских является той частью дня, когда человеческая деятельность потихонечку поднимается: вставать, умываться, одеваться, завтракать. Потом уже начинается *день*.

Интересно то, что семантический ракурс слова *утро* подчёркивает человеческую деятельность, а это полностью совпадает с теорией Э. Т. Холла о том, что полихронная культура ориентирована на человека в отличие от монохронной, которая детерминируется временными графиками.

Другие исследователи занимаются словами *успевать*, серией *миг/момент/мгновение/минута, догнаться, дорваться, заодно, вдруг ...*

Из каждого анализа ясно вытекает этот различный подход ко времени, который можно без сомнения отнести к модели Э. Т. Холла о полихронности и монохронности.

В отличие от понятия циклического времени, рассматриваемого Е. Яковлевой, понятие полихронности относится к восприятию времени *in praesentia*. Оба понятия ориентированы на всеохватывающее и неконтролируемое человеком время, но в первом случае можно говорить о естественном и сознательном подходе ко времени, а в модели Э. Т. Холла речь идёт об онтологическом статусе концепта времени, который испытывается либо как отдельное измерение (в случае монохронности), либо как четвёртое измерение пространства, таким образом возвращаясь к началу нашего размышления и к утверждению Эйнштейна о том, что окружающий нас мир представляет собой четырехмерный пространственно-временной континуум.

Использованная литература:

HALL, E. T. (1976): *Beyond Culture*. New York: Anchor Books.

АПРЕСЯН, В. Ю., АПРЕСЯН, Ю. Д., БАБАЕВА, Е. Э., БОГУСЛАВСКАЯ, О. Ю., ИОМДИН, Б. Л., КРЫЛОВА, Т. В., ЛЕВОНТИНА, И. Б., САННИКОВ, А. В., УРЫСОН, Е. В. (2006): *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур.

ЗАЛИЗНЯК, А. А., ЛЕВОНТИНА, И. Б., ШМЕЛЕВ, А. Д. (2005): *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки Славянской Культуры.

ЛЕОНТОВИЧ, О. А. (2007): *Введение в межкультурную коммуникацию*. М.: Гнозис.

ЯКОВЛЕВА, Е. С. (1994): *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. М.: Гнозис.

МАРИЯ ЛЬВОВНА ГОРДИЕВСКАЯ

Россия, Москва

АРХАИЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ (на примере оборотов с двойным винительным падежом)

АБСТРАКТ:

Reasons for archaisation and disappearance of certain syntactical structures are discussed in the paper. The article is focused on evolution of Russian constructions with double accusative case and language mechanisms provoking their decay in the late 18th and early 19th centuries.

KEY WORDS:

Archaic syntactical structures – double accusative case – Old Russian – Contemporary Russian.

Термин «синтаксический архаизм» предполагает выбор точки отсчета во времени. По сути, этой точкой отсчета является момент, когда носители языка последовательно отказываются от употребления какой-либо синтаксической структуры и на ее месте появляется инновация.

Логико-психологические основания архаизации и утраты одних синтаксических построений и замены их новыми образованиями мало исследованы, однако приходится признать, что некоторые эволюционные процессы в грамматике демонстрируют удивительное единодушие не только в рамках одной языковой системы, но и в языках разной степени родства. О таком внезапном проявлении процесса вытеснения одного лингвистического явления другим, правда, применительно к фонетике писал А. Мейе: «Есть новшества, опирающиеся на общие причины и имеющие тенденцию проявляться у всех детей, которые учатся говорить в одной и той же местности в течение определенного промежутка времени [...] В Северной Франции дети оказались неспособны произносить смягченное *l* и стали заменять его звуком *u* [...] Такого рода новшество является абсолютно регулярным: смягченное *l* исчезло на всем севере Франции » [Мейе 1938: 53]. Подобные «исчезновения» происходили и в грам-

матике, это можно проиллюстрировать разными по времени и территориальной отнесенности фактами, но все же фактами, ясно свидетельствующими о неуклонности и разрушительной силе данных процессов. Так, в Аттике двойственное число стремительно выходит из употребления в течение одного столетия – с V по IV вв. до н. э. [Мейе 1938:54]; в славянских языках этот же процесс длился дольше – в истории русского языка это XIII – XIV вв. Падежные двойственные числа влечет за собой структурные изменения в именных группах с числительными. Сходят со сцены партитивные обороты: ср. др.-исл. *Deir Attila* букв. они Аттила, что означает *те, что с Аттилой*, или *Аттила и его люди*, древнегреч. *οι περι τον Περικλέα* – *те, что вокруг Перикла* [Кацнельсон 1949: 81]. Приходят в упадок присущие всем древним индоевропейским языкам конструкции с двойными падежами (*casus duplex*), в том числе и конструкции с дублированием падежа в предикативном атрибуте: ср. двойной И.п в др.-рус.: *оттолъ прозвася земля Угорьска*; двойной В.п. в др.-исл.: *gekk hann út of Miðgard svá sem ungr dreng* – *вышел он из Мидгарда в образе юного витязя* (букв. юный витязь). Эти структуры либо подвергаются значительным ограничениям, либо же оказываются полностью «переформатированы» в языках нового времени.

О судьбе синтаксических структур с дублированием падежа в дополнении и предикативном атрибуте и пойдет речь в данной статье. Приведем примеры таких предложений: *Нашел себя окруженного людьми; Вижу его сидящего в театре; Они видели меня беседующего с тобой*. В настоящий момент эти предложения воспринимаются как сильно архаизированные. Носителю современного русского языка потребовались бы уточнения: что имеется в виду – факт, процесс или время? Разъяснить ситуацию в современном языке помогает придаточное предложение: ср. *Они видели, что я беседовал с тобой* x *Они видели, как я беседовал с тобой* x *Они видели меня, когда я беседовал с тобой*.

Casus duplex с В. п.¹ устойчиво фиксируется в памятниках русской письменности в XIII – XV вв. С XVI в. второй В. п. постепенно уступает место Т. падежу [Борковский, Кузнецов 2004: 367], однако по-прежнему сохраняя актуальность для синтаксической системы языка. Точно установить момент, когда двойной падеж безнадежно устарел и полностью вышел из употребления, непросто. Можно заметить, что эти конструкции уже почти не встречаются у авторов конца XIX – нач. XX вв.² Между тем следы подобного употребления легко обнаружить на рубеже XVIII – XIX вв. Следовательно, закат этой синтаксической структуры приходится на первую треть XIX в. Именно этот период представляет наибольший интерес, так как позволяет нам увидеть, как работал механизм разрушения структуры с двойным падежом. Но прежде приведем примеры употребления *casus duplex* в художественной литературе рубежа

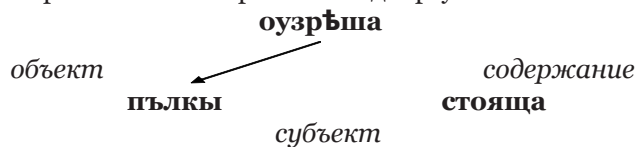
¹ Здесь и далее подразумевается дублирование объектного падежа так называемым «предикативным» падежом. Ср. иное – «двойной объектный В. п.» [Крысько 2006: 283]

² Ф. И. Буслаев в «Опыте исторической грамматики русского языка» 1858 г. отмечал единичность употребления второго В. п. на месте более современного Т. п.

XVIII – XIX вв: *Пришли они к той окаменённой недавно женщине и увидели её весьма горько **плачущую***. (М. Д. Чулков, 1766–1768); *Когда открыл глаза Силослав, как бы после крепкого сна, то увидел **себя лежащего** под деревом и **окружённого** страшнообразными и невиданными животными* (М. Д. Чулков, там же); *И потом он видел **его лежащего** на жесткой постели в доме бедного соседа ...* (М. Ю. Лермонтов, 1833); *Я пошел к нему и нашел **его окруженного** нашими офицерами*. (А. С. Пушкин, 1835); *Он упал, они хотели рубить **его лежащего*** (Н. А. Дурова, 1835).

Можно заметить, что во всех примерах рубежа XVIII – XIX вв. причастие повторяет падеж местоимения, дублирование падежа существительного встречается довольно редко (ср. более древний срез: *оузръша пълкы стояща* (1 Новг. Лет.), *видѣша Игоря лежаща* (Лавр. Лет.). [Борковский, Кузнецов 2004: 366]. Ограничен круг глаголов, возглавляющих этот оборот (*видеть, увидеть, найти*). Сужен и круг причастий: главным образом, это слова, описывающие состояние или положение дел (*сидящий, лежащий, стоящий, плачущий, окруженный и др.*). В целом же синтаксическая конструкция *casus duplex* сохраняется в своем первоначальном виде. Для того чтобы понять механизм распада этой синтаксической структуры, рассмотрим ее устройство.

Прежде всего, отметим, что семантика глагола в оборотах *casus duplex* следующая: это действие, которое позволяет представить статичную ситуацию. Подавляющее большинство глаголов в данных структурах относятся к семантической группе «ментального и психического восприятия»: *увидеть, найти* (= обнаружить), *узнать* и др.³ В современном языке эти глаголы, помимо субъектной валентности, обладают актантами объекта и содержания. Последние имеют разные способы реализации, т.е. их представление в поверхностной структуре дифференцировано: ср. *узнать друга* x *узнать о друге*; *увидеть корабль* x *увидеть, что плышет корабль*. Иначе говоря, в современном русском языке нельзя одновременно употребить актанта объекта и содержания при глаголе восприятия, это можно сделать только последовательно, при этом предложение не будет корректным с точки зрения кодифицированного языка: так, в разговорной речи встречаем: *Мы увидели корабль, что он плышет ...* В древнем языке валентность объекта и содержания, по-видимому, не были разграничены так отчетливо в поверхностной структуре. В *casus duplex* информация о воспринимаемой ситуации и о главном действующем лице ее была свернута, «архивирована». В соответствии с правилом семантической производности [Гуревич 1988], объект оказывался субъектом второго архивированного события. Соответственно направление семантических зависимостей в обороте *casus duplex* можно изобразить в виде треугольника:

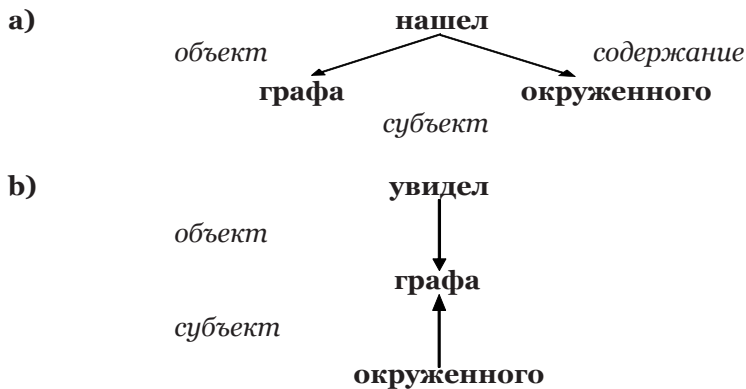
³ По данным других индоевропейских языков, глаголы, участвующие в обороте *casus duplex*, не ограничиваются указанной семантикой см. [Кацнельсон 1949: 301–310].

Направление *морфологических* зависимостей отличается от представленного на схеме только на отрезке *пѣлки* → *стояща*, т.к. причастие согласуется с существительным.

Как известно, описываемые нами древние структуры не различали объектного и атрибутивного значения: *увидел, что полки стояли* x *увидел полки, которые стояли*. Распад древней структуры *casus duplex* проходит именно по этому наметившемуся «разлому» старого объектно-атрибутивного значения. Совпадение (дублирование) падежа в тандеме существительного и причастия способствуют восприятию последнего как обычного определения или приложения: *стоящие полки; она, плачущая; он, окруженный слугами...*

У некоторых авторов начала XIX в. можно встретить параллельное употребление *casus duplex* и обособленного определения для описания сходных положений и ситуаций. Так, в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина находим два похожих по смыслу предложения: а) *Я нашел графа дома перед бивачным огнем окруженного своим штабом*; б) *Я увидел графа Паскевича, окруженного своим штабом*.

Предложение (а) как нельзя лучше подходит для описания общей ситуации, в предложении (б) размыкается валентность содержания и акцентирован атрибутивный признак. Сравним схемы этих примеров:

Как видим, во втором примере причастие освобождается из-под власти глагола, декларируя свою независимость образованием полупредикативного оборота. Самостоятельное синтаксическое поведение причастий, их способность образовывать замкнутую предикативную единицу отнюдь не являлось «новостью» для русского языка. Так, в древнерусском языке можно найти немало примеров, когда причастие выполняло ту же функцию, что и личная глагольная форма, а именно функцию вполне независимого сказуемого: *Воля господня съвършается: час же третий, четвертый, и пятый, и шестой крепко бьющееся неослабно христиане с погаными половцы* (Сказание о Мамаевом побоище); *Сии же персы видѣвшие, царству моему поработившиеся* (Александрия). В XIV – XV вв. отмечается усиленная экспансия действительных причастий, которые в некоторых литературных жанрах даже стали соперничать

с глаголами [Кунавин 1984: 11]. Этим притязаниям причастий на господство в русском предложении, как мы знаем, не суждено было сбыться. По мнению многих исследователей древнерусского языка, «нечеткая синтаксическая спецификация» причастий отражала «незавершенность развития в этом звене противопоставления имени и глагола» [Преображенская 1987: 28–29]. Но то, что причастия эволюционируют скорее в сторону определителей предметов, чем в сторону «обозначителей» действия, становится ясно именно из рассмотрения текстов конца XVIII начала XIX вв. Авторы рубежа веков тонко чувствовали ту грань, за которой причастие теряет предикативную атрибутивность. Ср. *Дубровин оставил своих гостей и поехал к Опальскому. Он нашел его лежащего в постели.* (Е. А. Баратынский, 1832) *х то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного.* (А. С. Пушкин, 1830).

В процессе эволюции языка стремление отобразить общее положение дел уходит на второй план. Языки нового времени требуют детализации значения, поэтому обороты *casus duplex* трансформируются: ср. *увидел его лежащего* → *увидел его лежащим; увидел, что он лежит; увидел его, когда он лежал.* В текстах середины XIX века рассматриваемые структуры встречаются крайне редко, скорее как реликты. Употребляясь с двумя или тремя синонимичными глаголами, обороты с двойным винительным начинают походить на синтаксические фразеологизмы. Так, на глазах фактически одного поколения уходит в прошлое структура, прежде столь значимая для синтаксической системы русского языка.

Использованная литература:

- БОРКОВСКИЙ, В. И., КУЗНЕЦОВ, П. С. (2004): *Историческая грамматика русского языка.* М.
БУСЛАЕВ, Ф. И. (1858): *Опыт исторической грамматики русского языка.* М. Унив. тип.
ГУРЕВИЧ, В. В. (1988): *Семантическая производность в грамматике.* М.
КАЦНЬЕЛЬСОН, С. Д. (1949): *Историко-грамматические исследования.* М., Л.
КРЫСЬКО, В. Б. (2006): *Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность.* М.
КУНАВИН, Б. В. (1984): К вопросу о самостоятельном причастном сказуемом в русском языке. In: *Вестник ЛГУ, Серия. История, язык, литература.* Л.
МЕЙЕ, А. (1938): *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.* М., Л.
Национальный корпус русского языка URL: <http://ruscorpora.ru>
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ, М. Н. (1987): Синтаксические функции причастия и членимость древнерусского текста на предикативные единицы. In: *Деривация и история языка.* Пермь.

КАТАРЖИНА ДЕМБСКА

Польша, Торунь

О НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА СМИ (на примере названий женщин по профессии, должности и званию)

АБСТРАКТ:

The author focuses on the process of quantity increase of vocational feminine forms in the contemporary Russian language, especially in Russian press. This paper presents Russian vocational feminine forms with feminine suffixes (e.g., *-к(а)*, *-ш(а)*, *-их(а)*) and their use in the language of mass-media.

KEY WORDS:

Vocational feminine forms – Russian press – feminine suffixes – contemporary Russian language – language of mass-media.

В последнее десятилетие названия женщин по профессии, должности и званию становились проблемой, широко обсуждаемой не только среди лингвистов. Спорными кажутся как формы многих из этих названий, так и обоснованность их употребления. Особенно ярко этот вопрос отражается в русском языке, в котором наблюдается рост числа дериватов с суффиксами *-ш(а)* и *-их(а)*, которые употребляются в функции названий женщин по профессии. Многими исследователями однако они считаются ненормативными. С помощью суффикса *-ш(а)* совершенно недавно образовались только названия женщин-жён своих мужей (мотивированные названием выполняемой ими профессии или должности, которую занимали), например, *генеральша*, *инженерша*, *консульша*. Суффикс *-их(а)* зато образовал прежде всего названия самок животных типа *медведиха*, *волчиха*, а также наименования жён мужей «низшего звания».

Динамичное развитие языка, употребление новых носителей информации (в основном – Интернета), влияние субстандартных форм коммуникации на русский национальный язык были причиной изменений как в употреблении, так и степени экспрессивности разного вида аффиксов. Как справедливо замечает Галина П. Нецименко, «объём нормативных языковых средств не является данным раз навсегда, в зависимости от внешних, а также внутренних фак-

торов их количественный и качественный состав может меняться» [Нещименко 2006: 178].

Исследовательница подчёркивает, что данный процесс особенно замечается среди феминативов русского языка, что связано с проникновением в публичный дискурс элементов разговорного языка и дериватов, которые до сих пор признавались не вполне нормативными, а которые стилистически нейтрализировались и проникают даже в литературный язык [см.: там же].

Таким образом, стоит задуматься, связан ли рост названий женщин по профессии в формах женского рода с выполняемой СМИ функцией нормотворческого источника. Надо подчеркнуть, что в литературе предмета встречаются даже намёки на функционирование *НЯН – Новой Языковой Нормы* (см., например: [Никипорец-Такигава 2004: 37]). Этот термин, однако, кажется не совсем удачным. По нашему мнению, языковая норма (как понятие) является постоянной – изменению подвергаются лишь её источники. Не будет преувеличением тезис, что такую нормотворческую функцию выполняют сегодня также СМИ. Как замечает Галина Й. Никипорец-Такигава, «в наши дни языковая ситуация продолжает развиваться по пути возрастания влияния СМИ на русский язык как систему и на языковую компетенцию среднего носителя русского языка» [Никипорец-Такигава 2004: 33]. Также Галина П. Нещименко наблюдает «возрастание нормотворческой значимости языка СМИ» [Нещименко 2000: 13].

Факт переориентировки нормотворческой основы русского языка на язык СМИ кажется неоспоримым, и темп сегодняшней жизни требует употребления экономных вербальных средств. С этим процессом в какой-то степени связано использование форм женского рода в названиях женщин по профессии, должности и званию. Уместно также вспомнить о Принципе Кооперации Г. П. Грайса и его максиме ясности (*говори ясно!*), поскольку уже в 1939 году в сатирическом журнале «Крокодил» встречались иронические комментарии к употреблению названий женщин по профессии в форме мужского рода, которое могло затемнять смысл высказывания:

Машиниста Степанова знаешь? – Ещё бы! – Женился. – На ком? – На начальнике станции (цит. по [Фесенко 1955: 164]).

В приведённом тексте интересным является сам глагол *жениться*, который обладает в русском языке двумя значениями: 1) *вступить в брак* (о мужчине) и 2) *вступить в брак, повенчаться* (о мужчине и женщине) (см., например, [Кузнецов 1998: 302]). Итак, машинист Степанов вступил в брак с начальником станции и только, выступающая в вопросе, форма фамилии машиниста (*Степанов*) может подсказывать, который из представителей данных профессий является мужчиной (в случае, если профессию машиниста выполняла бы женщина, вопрос должен звучать: *Машиниста Степанову знаешь?*). Однако, если представим себе, что фамилия машиниста не приводится и получается, например, высказывание: *Нашего машиниста знаешь? – Ещё бы! – Женился. – На ком? – На начальнике станции*, тогда комический эффект ещё усиливается, но абсолютно не соблюдается максима ясности. В таких случаях, несо-

менно, употребление названия по профессии в форме женского рода можно было бы признать оправданным.

Стоит обратить внимание, что в споре на тему обоснованности употребления названий женщин по профессии в форме женского рода, на первый план выдвигается универсальная (генерическая) функция форм мужского рода. Поскольку, в случае названий по профессии, эти формы могут относиться как к мужчине, так и к женщине, то появляется вопрос, зачем «искусственным путём» образовывать формы женского рода? По этому вопросу нет согласия даже среди феминистических организаций. Некоторые феминистки видят в формах женского рода обесценение данных профессий или должностей, поскольку эти формы противоречат идеи равноправия. Особенно речь идёт о названиях с суффиксом *-k(a)*, который употребляется в словообразовании уменьшительных форм. Эту проблему пытался решить – не без успеха – В. В. Виноградов. Исследователь считал, что «в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола (ср. *человек* и отсутствие формы *человечица*). В именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее» (цит. по [Фесенко 1955: 163]). Согласно концепции Виноградова, слова мужского рода прежде всего выражают общее понятие о человеке (независимо от пола). Поэтому и могут относиться и к женщинам, если нет потребности дифференциации лиц по полу [там же]. Виноградов однако оставляет как будто «калитку», через которую названия в форме женского рода могут выйти в свет – ведь потребность дифференциации лиц по полу может появиться. Особенно в головокружительном темпе развития языка и потребности скорого, сжатого перевода информации, всё чаще появляется необходимость подчеркнуть пол, без чего информация теряет прозрачность. Такая ситуация имеет, например, место в случае иноязычных фамилий: *Грибаускайте – бывший еврокомиссар* (когда речь идёт о президенте Литвы, Дале Грибаускайте, которая стала первой женщиной-главой государства в бывших советских республиках).

Интересным примером является также пара *герой – героиня*, которую приводят в своей работе А. и Т. Фесенко: «там, где элемент пола не играет основной роли, слово «герой» может относиться как к мужчине, так и к женщине: Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда [...]. Там, где звание может относиться только к представителю одного пола, именно женского, употребляется соответствующая форма: мать-героиня (многодетная мать)» [Фесенко 1955: 164].

Что же касается словообразовательных средств (суффиксов), которые – по мнению многих исследователей – имеют негативную коннотацию, а именно: *-ш(a)*, *-их(a)*, *-к(a)*, то стоит помнить, что экспрессивность таких средств также подвергается модификации и – что справедливо замечает М. Журек – «если слово обладает высокой употребительностью, то степень его снижения и грубости убывает, как бы выветривается. Так, существительное «врачиха» менее грубо чем «деканиха» или «оппонентиха», «кондукторша» менее снижено, чем «режиссёрша» или «дирижёрша»» [Журек 1997: 113].

Подытоживая настоящие рассуждения, можно прийти к выводу, что не должны казаться неожиданными, всё чаще выступающие в современном

русском языке женские формы названий по профессии, должности и званию типа: *архитекторша, бизнесменша, инженерша, каскадёрша, деканша, ректорша, прокурорша, депутатша, менеджерша, гинекологиня, психологиня, министрша, охотница...* Стоит подчеркнуть, что уже в опубликованной А. Пстыгой в 1994 году монографии, посвящённой новой лексике в русском языке, исследовательница замечает, что данные формы «создаются довольно регулярно с помощью типичных суффиксов (-ка, -ица, -ница, -есса, -ша), выполняющих модифициционную функцию и подчеркивающих половую принадлежность лица» [Pstyga 1994: 115].

Следует подчеркнуть, что проблема женских форм названий по профессии не является новой. Она обсуждалась в литературе предмета уже в 30-ые годы XX столетия, когда названия в женском роде функционировали в языке совершенно свободно. Этот факт (в контексте постперестроечной борьбы с «деревяннным языком советской эпохи») также может казаться одной из причин того, что возврат женских форм в современный язык вызывает разногласие. Бросив однако все споры, нельзя не заметить в русском языке последнего времени рост числа названий женщин по профессии, должности и званию в формах женского рода. Возможно, что данный процесс имеет связь с ростом роли языка СМИ как нормотворческого источника современного языка и можно полагать, что газетные тексты с учётом таких форм женского рода, как, например:

*Политический матриархат наступает по всем фронтам. Судите сами. Не так давно спикером палаты представителей конгресса США (это третья по важности политическая должность в Штатах) впервые в истории была официально назначена женщина лидер демократической фракции Ненси Пелоси. ... а в Финляндии и Латвии **президентши** Тарья Халонен и Вайра Вике-Фрейберга.¹*

Через несколько лет они не будут редкостью. Этот факт можно связывать именно с осваиванием адресантом данных форм посредством СМИ.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- PSTYGA, A. (1994): *Nowe słownictwo rosyjskie. Struktura formalna i semantyczna rzeczownika*. Gdańsk.
- ЖУРЕК, М. (1997): *Словообразовательные синонимы в сфере наименования лица в современном русском языке*. Кельце.
- КУЗНЕЦОВ, С. А. (1998): *Большой толковый словарь русского языка*. Спб.
- НЕЩИМЕНКО, Г. П. (2000): О некоторых особенностях современной языковой ситуации и их теоретическом осмыслении. In: S. Gajda (red.): *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. Opole, s. 9–67.
- НЕЩИМЕНКО, Г. П. (2006): Обозначение лиц женского пола в славянских языках в свете соотношения понятий: система-норма-кодификация-речевой этикет. In: А. А. Лукашанец (ред.): *Функциональные аспекты словайтварэння. Доклады IX Міжнароднай навукавай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словайтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь 9–14 кастрычніка*. Мінск, с. 173–184.
- НИКИПОРЕЦ-ТАКИГАВА, Г. Ю. (2004): Языковая норма в постсоветской социокультурной ситуации. In: В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.): *Язык, сознание, коммуникация 26/2004*, с. 33–38.
- ФЕСЕНКО, А.; ФЕСЕНКО, Т. (1955): *Русский язык при советах*. Нью-Йорк.

¹ См.: <http://www.izvestia.ru/search.html?query=%EF%F0%E5%E7%E8%E4%E5%ED%F2%F8%E0>, «Известия» от 06.12.2006. Режим доступа: 28.07.2008.

MIROSLAV ZAHRÁDKA

Česká republika, Olomouc

MLÁDÍ A MLADÍ V NÁZVECH

ABSTRACT:

The easiest way for the writer of making it obvious to the reader that the heroes of his/her work are children or young people, is to insert the respective motive in the work's title. There are three references possible in the title, namely – 1) name in a diminutive form or a nickname which unambiguously refers to a young character, 2) direct denomination, as for example “*mal'čik*”, “*devotschka*”, “*deti*” etc., 3) the hero's typical feature, e.g. “*sirota*”, “*student*”, “*syn*” etc. Similarly, denomination of the respective age category of the heroes is exploited, although less frequently (e.g. “*detstvo*”, “*junoshestvo*” etc.). The current paper deals with all the types in the context of 19th and 20th century Russian literature.

KEY WORDS:

Russian prose – titles – motive of youth and the young.

Nejčastěji dává spisovatel čtenáři v názvu najevo, že hrdiny jeho díla jsou děti či mladí lidé, třemi způsoby: 1) zdobnějším jménem nebo přezdívkou, která jednoznačně patří mladému hrdinovi; 2) přímým označením jako «мальчик», «юноша», «парень», «девушка», «девочка», «подросток», «дети» apod.; 3) charakteristickým rysem postavy, např. «сирота», «юнкер», «кадет», «студент», «сын» apod. Obdobné je i méně frekventované použití označení věkové kategorie postav nebo skupiny postav – «детство», «юношество», «отрочество» – jak to známe z díla **L. N. Tolstého**, **Aksakova**, **Garina-Michajlovského**, **M. Gorkého** aj. Jsou také názvy zavádějící, symbolické nebo historicky či ideologicky akcentované, ale takových je málo. Autoři si nejčastěji zachovávali smysl pro míru.

K prvnímu způsobu.

Zcela přirozeně jej čtenář přijímá u autorů knih pro děti a mládež. U nás hojně překládaný a vydávaný **Nikolaj Nosov** vytvořil nejen pohádkový svět Neználka («Незнайка») a jeho druhů (od r. 1957), ale použil zdobnělá jména i ve svých „reálných“ příbězích, jako je «Дневник Коли Синицына», «Витя Малеев в школе и дома» (1951). Pochopitelně sleduje cíl umělecko-pedagogický, ale to lze předpokládat v celé „dětské“ literatuře. Nosov to však neakcentuje, zvláště v cyklu o Neználkovi, který je jeho nejvýraznějším a nejpodarenějším (a samozřejmě nejpopulárnějším) dílem.

Použití jména a příjmení hlavní postavy – u **Nosova, Amlinského**, ale třeba i u **V. Osejevové** (Vaska Trubačev) aj. – zvýrazňuje jedinečnost hrdiny, který se může stát individuálním vzorem pro čtenáře. V názvech bez příjmení je objektivně obsažena jistá možnost typizace.

Populárním dílem s otevřeně pedagogickým záměrem byl svého času «Тимур и его команда» (1941) **Arkadije Gajdara**. Vzniklo v určité době s nevelkým přesahem, ale má v sobě dětskou přímočarost, smysl pro kolektiv a lidskou solidaritu původně bez ideologických příměsí. Jiná knížka tohoto autora – „Čuk a Gek“ (1939) – používající v názvu domácí přezdívky malých chlapců, je dětsky hravá a „dobrodružná“. Rozpustilí chlapi zažívají malé příhody na cestě za otcem-geologem. Půvabné vyprávění plné jasu a životní pohody má jednoduchou kompozici, připomínající **Čechovovu** „Step“: drobné dětské zážitky jsou i cestou k poznání lidí i přírody.

Obdobně komponuje svou novelu «Умный мальчик» (1934) **Leonid Rachmanov**: vypráví v ní o chlapcových dojmech z dlouhé cesty na Sever. **Čechov** je ovšem jednak typově bohatší, psychologicky konfliktnější, jednak ruská příroda je tu malebnější a pro hoča inspirativnější. Možná proto, že Čechov nekoncepcoval svou novelu jako knihu pro děti, třebaže nazírá svět dětskýma očima.

Motiv cesty je kompozičně využit i v novelách **Věry Panovové**, které nazývá jmény svých mladých hrdinů: «Серезжа» (1955), «Валя» (1959), «Володя» (1959). V první z nich cestou do neznáma prostíneký děj končí, v novele „Valja“ se vypráví o cestě děvčete z ohroženého Leningradu a po čase o cestě zpět, Volod’a „cestuje“ od matky k otci, který je opustil a má už novou rodinu. Ani Panovová nepsala knihu pro děti, nýbrž o dětech. Osudy dětí jsou tu konfliktní, děti mají problémy s příchodem „nového“ otce nebo – v povídce „Valja“ – po matčině smrti s nutností vstupu do nové rodiny, k dobré tetě, jež se sirotka ujímá. Na rozdíl od ostatních dvou hrdinů se Volod’a setkává s pokrytectvím dospělých a pomáhá mu solidarita nevlastního bratra. Ve všech případech Panovová provází mladé hrdiny složitými rodinnými vztahy nebo těžkou válečnou situací, což vede ke konfliktnímu poznávání světa. Relativně šťastné vyznění „cest“ podobně jako u Čechova ovšem naznačuje, že budoucnost nebude pro mladé hrdiny jednoduchá.

Také **Sergej Antonov** má ve svých názvech křestní jména svých centrálních postav – «Аленка» (1960) a «Васька» (1987). Novela „Аленка“ znovu zopakuje kompozici „Stepi“ (je obdivuhodné, jak **Čechov** stále ovlivňuje ruskou prózu), a to do té míry, že také tato cesta končí ve škole: Alenka jede z celiny stepí a pouští do města, vnímá přírodu i konfliktní realitu celin, v náznacích i celého Ruska. Tragicky zaznívá osud matky, která přišla o dceru, a toto neštěstí zanechává svůj odlesk i na osudech jiných lidí.

„Vaska“ je příběh z třicátých let. Děvče prchá z transportu kulackých přesídlenců do Moskvy a po této cestě je čeká ještě těžší zkouška: jako dcera kulaka bojuje o své místo ve společnosti vzornou prací na stavbě metra, naivně věří ve spravedlnost a stejně naivně jí pomáhá komsomolský aktivista Mífa. V závěru novely se čtenář nedozví, čím jeho úsilí končí. Budovatelské nadšení tehdejší komsomolské generace vrcholí otevřením metra, tedy šťastně, ale současně je to generace, kterou čekají mnohé překážky a nepředvídatelné tehdy osudy. Realita Ruska je tu nepřikrášlená

nejen v zobrazení represí, ale i zmatků a nepořádků na stavbě, jež je překlenováno vznešenými frázemi i naivním nadšením budoucí „ztracené generace“. Neboť právě toto pokolení entuziastů bude pohlceno blízkou válkou i dalšími represemi, jak to napíše **Boris Balter** v novele «До свидания, мальчики» (1963).

V případě názvů **V. Panovové**, **S. Antonova**, ale i **Arkadije Gajdara** zjišťujeme, že zdůraznění hlavní postavy díla zařazením do názvu díla vzniká do jisté míry *typ* hrdiny určité doby (**Lermontov** jej vytvořil, aniž ho jmenoval v názvu), konkrétně hrdiny z generace, která se narodila po Říjnové revoluci a vstoupila do života ve 30. – 40. letech. Ne vždy ovšem takové řazení hrdiny do názvu vede k výrazné typizaci. Např. román **Vasilije Rosljakova** «Витенька» (1981), vyprávějící o vztazích mezi dětmi a rodiči, o duševním růstu dítěte, neobsahuje natolik široké společenské souvislosti jako novely **Antonova** nebo **Panovové**. Obdobně i prózy **Vladimíra Amlinského**, který hojně psal o mládeži a dětech a jehož jeden román též v názvu používá jméno hlavní postavy – «Борька Никитин» (1984). To jiný jeho název – «Жизнь Эрнеста Шаталова» (1968) – naznačuje ve jménu hrdiny relativitu jeho osudu, poznamenaného těžkou nemocí, a může být příkladem typizace „zevnitř“ postavy cestou psychologické analýzy, aniž hlouběji zachycuje dějinný kontext.

Eduard Šim, u nás poměrně málo známý autor, který psal lyricko-filozofické, někdy i nesyžetové povídky z vesnice, neusiloval programově o vytváření výrazných typů, jejichž jména zařazoval do názvů. Spíše v řadě takových povídek jako by z těchto postav sestavoval mozaiku určité dobové morálky. Nejčastěji se u mladých lidí snažil, někdy i trochu idealizovaně, vystihnout dominující vlastnost a perspektivu jejího vývoje. V autobiografické povídce «Федор» hutně vykreslil hrůzy leningradské blokády a utrpení dětí, které vyvezli z města, ale též zrod budoucího spisovatele, jenž ve svých deseti letech ve vesnické evakuaci vždy před spaním vypráví ostatním dětem různé skutečné i smyšlené příběhy a nachází v tom radost. Okamžik „zmoudření“ zachytil Šim v povídce «Демка и Маруська»: nenáviděná práce pasení krávy Marusky, za niž se mu vrstevníci vysmívají, se osmiletému Děmkovi stává smysluplnou, když vidí, jak mléko uzdravuje nemocné dívky z města. Pastýř Palan z povídky «Палан - Красная калина» ochrání své ovce tím, že zastřelí nebezpečného medvěda, ale malá medvíďátka nechává žít. Nemluvný klid'as Jegor Legošin v povídce «Братья Легошины» nedá na varování temperamentního bratra a žení se s chudou sirotou z dětského domova. Luška Sapogova ze stejnojmenné povídky, zkušená a hubatá vedoucí brigády na stavbě, pomůže začínajícímu dílvedoucímu, po čemž se jeho kritický vztah k ní mění v úctu. Učitel vypráví v povídce «Сын гипнотизера» o kouzelníkovi, který dělá svou práci efektně, ale pro lidi, a o jeho synovi, který otce napodobuje, ale více jen pro okamžiky efektu a slávy. Vypravěč se ptá, zda syn včas pochopí, že práce musí mít lidské rozměry. Hrdina povídky «Богатый Гусев» není bohatý materiálně, ale svými zkušenostmi, úctou lidí, kteří ho mají rádi a rádi mu také pomáhají v jeho důchodu. Širokého zobecnění typů Šim tedy nedosahuje, ale jeho galerie jmenovaných postav (nejen dětských) v názvech jako celek hovoří mnohé o typických morálních vlastnostech současných lidí a společnosti.

Dobový, ale i nadčasový *typ* vytvořil **Vladimír Bogomolov** v novele «Иван» (1957). A není to dáno jen tím, že film **A. Tarkovského** se jmenoval „Ivanovo

dětství“ a měl výjimečný úspěch pro svou jímavou tragičnost. Novela je napsána v ich-formě, o chlapci Ivanovi, odvážném rozvědčikovi, vypráví velitel praporu. Ivanova tragédie je absolutní – hyne v německém zajetí -, ale i dobově příznačná: po ztrátě blízkých vinou fašistů v něm roste nedětská nenávist a touha po pomstě. Válka nešetří děti ani od utrpení, ani od nenávisti. Láska k blízkým vede dítě k výjimečným činům – v tom je nadčasovost příběhu.

Nehledě na zacílenost syžetu a přímočarý Ivanův vztah k válce se autor ubránil zjednodušenosti chlapcovy psychiky a válečné situace. Vzhledem k rozšířenosti jména Ivan v Rusku se někdy Ivan stává synonymem Rusa. Tento jev Bogomolov výslovně neakcentuje, ale je zřejmé, že postava chlapce Ivana objektivně vyjadřuje tyto souvislosti i vlastnosti Rusů – odvahu, vytrvalost, vůli k činu, je-li výrazně motivován, ale i jistou naivitu, někdy zjednodušené vidění světa, ba náznak fanatismu.

Z revoluční doby bere látku k obdobnému, leč spíše humornému příběhu **Leonid Pantělejev** v povídce «Часы» (česky „Kolja a jeho hodinky“, rusky vyšlo 1928). Tento autor napsal i román «Ленька Пантелеев» (1939, česky „Ljoňka“), jímavě lidský autobiografický děj byl však zdeformován cenzurou, takže portrét hrdiny je tím značně zidealizován.

Jména s oblibou řadil do názvů povídek **Jurij Kazakov**, a to jména psů (Arktur) i mladých hrdinů. V povídce «Никишкина тайна» (1957, česky „Nikiškova tajemství“) je to malý chlapec, v povídce «Манька» (1958) sedmnáctiletá vesnická listonoška. Kazakov byl pokračovatelem **čechovovské** povídky a **Paustovského** „naturelismu“, sblížení osudů člověka a přírody. Životy jeho postav jsou reálné v určitém čase, ale i v jeho plynutí. Proto Nikiška prožívá hluboké dojmy z cesty za otcem-rybářem i z drobných příhod v netknuté přírodě, ale jeho představy o budoucnosti při „neuzavřeném“ syžetu jsou dětsky naivní. Příběh Maňkiny první lásky též nemá jasný závěr, Kazakov však obdivuhodně věrně zobrazil celou škálu prvních milostných prožitků, vděčnost za záchranu, radost, stud, strach, hrdost i hněv. Tíhnutí k impresionistické povídce, ale i k využití jmen v názvech je důkazem, že i **Bunin** patřil ke Kazakovovým učitelům.

Kazakov vytváří typy psychologické, **Maxim Gorkij** nebo i raný **Leonid Andrejev** spíše využívají jmen mladých hrdinů v názvech dobových příběhů k akcentování typů sociálních: Andrejev např. v povídce «Петька на даче» (1899) psal o smutném údělu chudého chlapce ve službě u holiče a o záblesku radosti při krátkém pobytu u matky na vesnici. Gorkij dovedl osud svého hochy Ljoňky v povídce «Дед Архип и Ленька» (1894) až k tragické smrti, když předtím jeho vinou, nespravedlivými slovy a po pozdní lítosti došlo v této bosácké dvojici k roztržce a dědově smrti. Jakkoli jsem označil příběhy jako dobové, mají v sobě nadčasový autorův soucit s trpícími i – u **Gorkého** – autorovu trpkost z lidských slabostí. Obdobný spisovatelův postoj nacházíme v řadě dalších povídek 90.let, např. v povídce «Нищенка».

Ljoňka, Peťka, Valja, Volod'ja, Serjoža, Čuk, Gek, Kolja, Víťa, Alenka, Vaska – to jsou děti či mladí lidé, o jejichž osudech chce autor vyprávět, ale které zatím nechce charakterizovat jinak než jako mladé. Teprve text povídky či novely je odliší charakterem, časově i syžetově.

ЛАРИСА БОРИСОВНА КРЮКОВА

Россия, Томск

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

ABSTRACT:

Perception is a base of the world cognition, its understanding and categorization. Semantic modelling of perception is characterized by specificity in every type of discourse. A poetical text is a special form of communication. We consider such parameters as perception type, degree of the subject activity/passivity, direct/indirect method of description, contraposition of process and result. Special attention was paid to perceptive metaphors and synesthetic combinations.

KEY WORDS:

Perception – poetic text – perceptive metaphor – semantic modelling.

Перцептивное восприятие лежит в основе познания мира, его осмысления и категоризации. Исследование данного феномена и его отражения в языке относится к числу актуальных проблем современного языкознания. Идеи формируются на основании впечатлений, полученных при помощи органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса.

Моделирование ситуации восприятия осуществляется с учетом понятия пропозиции, представляющей собой одну из форм кодирования информации в памяти человека. Как модель пропозиция выполняет описательную, объяснительную, предсказательную и аксиологическую функции [Демешкина и др. 2006].

Лингвистическое моделирование ситуации восприятия характеризуется особой спецификой в каждом типе дискурса, что обусловлено коммуникативной направленностью последнего. Особенность художественного текста состоит в том, что автор фиксирует не реальные ситуации, а моделируемые в соответствии с его индивидуально-авторским мировосприятием. Поэтическая речь характеризуется антропоцентричностью, восприятием мира с позиций эстетического идеала, ассоциативной природой, особыми правилами словоупотребления и синтаксиса, особой семантикой. Внутренний мир моделируется на основе

внешних ощущений. В тексте отражается связь с речевой культурой народа, его поэтическими традициями.

При определении конкретных моделей учитывается тип восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус), степень активности/пассивности субъекта, прямой/переносный способ описания, противопоставленность процесса и результата, принадлежность к разным сферам (психической, физической, интеллектуальной, социальной).

Опираясь на проведенные ранее исследования [Золотова 1982; Демешкина 2001 и др.], отметим, что семантическая модель высказывания включает предикат, обозначающий процесс или результат восприятия, обязательные актанты (субъект и объект восприятия), а также квалификатор и локатив.

В зависимости от компонентного состава предложения его формальная организация может иметь различные варианты. Базовой моделью является структура Sub/N1 + Vtr + Ob/N4, репрезентирующая процесс восприятия как активный (предложение двусоставное). В поэтических текстах периода серебряного века мы находим большое количество примеров: **Я вижу** милое твое лицо (Ахматова); **Я смотрю и смотрю на луну** (Есенин); **Ты слушал** пламенный **хорал** (Блок); **Он смотрит на планету** (Пастернак); **Я вижу тебя** черноокой – разлука! (Цветаева); **И я услышал** звонких лир **бряцанье** (Гумилев).

Следующая модель также является трехкомпонентной, но отражает процесс пассивного восприятия Sub/N3 + Vintr + Ob/N1 (предложение двусоставное): **Все мне видится** Павловск холмистый (Ахматова); **И тебе в вечернем сине-мраке часто видится одно и то же** (Есенин); **Под маской мне слышался смех** ее голый (Гумилев). В некоторых инфинитивных и безличных предложениях также возможно выявить субъект (Sub/N3) и объект (Ob/N4) восприятия: **Только раз бы тебя мне увидеть** (Блок); **Далекий отголосок хора / Мне слышать** иногда дано (Пастернак).

Субъект восприятия может быть не эксплицирован на поверхностном уровне высказывания, в результате чего и первая, и вторая модель формально становятся двухкомпонентными: **Слушаю** людские **речи** (Ахматова); **Черных твоих коней слышу топот** (Цветаева); **Слышу** волн круговое **движение** (Блок) – определенно-личные конструкции; **Только горько видеть** жизни **край** (Есенин); **И не видно звезд, и не слышно волн** (Цветаева); **Скучно слушать** под небесным **деревом / Взмах незримых крыл** (Есенин) – безличные конструкции.

На основании конкретно-типологического значения субъекта-предиката и компонентного состава предложения Г. А. Золотова выделяет несколько моделей. Предложенная классификация высказываний со значением восприятия запаха отражает снижение активности воспринимающего и усиление активности воспринимаемого. В случаях речевой невыраженности позиция воспринимающего субъекта синтаксически значима [Золотова 1982: 213–223].

Исследование высказываний с семантикой восприятия в поэтических текстах Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Гумилева, В. Брюсова и др. наглядно иллюстрирует мысль о том, что «если предложение сообщает о восприятии, существует субъект этого восприятия, и язык находит различные

способы указания на него» [Золотова 1982: 218]: *Бывает так: какая-то истома; / В ушах не умолкает бой часов, / Вдали раскат стихающего грома. / Неузнанных и пленных голосов / Мне чудятся и жалобы и стоны* (Ахматова).

В рамках статьи не представляется возможным проанализировать все реализации семантической модели восприятия в поэзии серебряного века. Рассмотрим примеры, в которых ситуация представлена метафорически и постараемся выявить индивидуально-авторские способы репрезентации чувственного опыта и языковые средства выражения зрительного (ЗВ), слухового (СВ) и обонятельного (ВЗ) восприятия.

Моделирование ситуации ЗВ может происходить не только с использованием базовых глаголов, но и при помощи единиц иных лексико-семантических групп [Демешкина и др. 2006: 150–151]. При этом предикат обычно включает лексемы *глаза, взгляд, взор* (т.е. является устойчивой конструкцией). В поэтических текстах встречаются глаголы: а) **движения, перемещения**: *И разом начал взглядом вас преследовать / И потерял в толпе за турникетом* (Пастернак); б) **физического действия**: *Надежды знак. Но, милый друг. / Я взора на него не кину* (Гумилев); в) **взаимодействия**: *Не колесо громовое – / Взглядами перекинулись двое* (Цветаева); г) **воздействия**: *И осень ясная, как знаменье, / К себе приковывает взоры* (Пастернак); д) **поглощения жидкости**: *Черные глаза глотнули взгляд* (Цветаева). В последнем примере *глаза* – это субъект, а *взгляд* – объект восприятия.

В качестве предикативного компонента в высказываниях СВ используются глаголы со значением **физического действия и поглощения жидкости**, при этом субъект представлен лексемой *ухо* (метонимия): *И ухо ловит каждый звук* (Гумилев), *Ухо пьет неслыханную молвь* (Цветаева).

Особого внимания заслуживают высказывания, репрезентирующие ситуацию звучания (Зв). Ситуация Зв является первичной по отношению к ситуации СВ. В качестве предиката могут выступать глаголы: а) **физического действия** со значением интенсивного проникновения вовнутрь: *Плач прорезал кругом тишину* (Есенин), *Гул ворвался, как шомпол* (Пастернак); б) **деструктивного действия**: *Еще свистки ломали воздух, / И крик еще стоял* (Блок), *И ветер криками изрыт* (Пастернак); в) **движения, перемещения** в пространстве: *Прокатился и замер стеклянный гул* (Блок), *И мерзко крался шепот хриплый* (Гумилев); г) **физического и психического воздействия**: *Меня пугал и мучил каждый звук* (Гумилев), *Визг цыганского напева / Налетел из дальних зал* (Блок); д) **взаимодействия**: *Звон у Флора и Лавра / Сливаются с шарканьем ног* (Пастернак); е) **изменения состояния**: *Тает в небе журавлиный / Удаляющийся крик, В тесно сжатых губах, в очертанье лица – / Просьпается звук* (Блок); ж) **увеличения размера**: *Тихо выросли шумы шагов, / Слова незнакомых наречий* (Блок).

При восприятии запаха развитие переносных способов представления ситуации более характерно, чем при ЗВ и СВ. В качестве объекта в этих случаях вы-

ступает *запах* и его эквиваленты, а предикат представлен глаголами: а) **слухового восприятия**: *Дай услышать страшный запах, / Темный, пьяный, как любовь* (Гумилев); б) **физического действия**: *С земли гелиотроп передает свой запах, И липы в поясе оград / Разбрасывают вместе с тенью неотразимый аромат* (Пастернак); в) **воздействия**: *Крепкий запах морского каната / Задрожавшие ноздри обжег* (Ахматова).

Транспропозиционные процессы осуществляются двунаправлено. С одной стороны, исследуемая ситуация репрезентируется предикатами движения, действия, состояния и др., с другой стороны, посредством модели восприятия могут быть описаны иные ситуации: а) психического состояния: *Они приходят к нам, когда / У нас в глазах не видно боли. / Но боль прошла – их нету боле: / В кошачьем сердце нет стыда!; Вчера еще в глаза глядел. / А нынче все косится в сторону! / Вчера еще до птиц сидел. - / Все жаворонки нынче – вороны!* (Цветаева); б) состояния окружающего мира: *Так пахла пыль. Так пах бурьян. / И если разобраться, / Так пахли прописи дворян / О равенстве и братстве; Он как запах от трав исходил. Он как ртуть / Очумелых дождей меж черемух висел* (Пастернак); в) мыслительной деятельности: *А там мой мраморный двойник, / Поверженный под старым кленом, / Озерным водам отдал лик, / Внимает шорохам зеленым* (Ахматова); *Мы все, покорствуя неволью, / В просторном царстве вечных снов, / С высокой башни колокольной / Внимаем голосу часов* (Брюсов); *И когда я увидел твой взор. / Где печальные скрылись зарницы. / Я заметил в нем тот же укор, / Тот же ужас измученной птицы* (Гумилев); г) существования: *Я вижу, я чувствую, - чую вас всюду, / - Что ленты от ваших венков! - / Я вас не забыла и вас не забуду / Во веки веков* (Цветаева); *Уйдишь, и буду я внимать / Последней песне лун, / Смотреть, как день встает опять / Над гладью бледных дюн* (Гумилев).

В поэзии серебряного века глагол, выполняющий функцию предиката, может входить в состав синестетических сочетаний, построенных на основании межсенсорных ассоциаций: а) обоняние – слух: *Это – солнце ароматно во мне поет* (Бальмонт); б) вкус – зрение: *Сладко в очи поглядела / Взором как стрела* (Блок); в) слух – зрение: *В синюю высь звонко / Глядела она скуля* (Есенин).

Встречаются индивидуально-авторские окказиональные глаголы, репрезентирующие процесс ЗВ и СВ и свидетельствующие о необычности, неповторимости воспринимаемых явлений: *Ручьятся журчанья свирели влюбленной, Вьюнок лазурил змейками литыми, Ночью вольно дышит грудь / И звездится цвет сирени* (Бальмонт).

Таким образом, предикат, являясь вершиной пропозиции, своими лексико-семантическими и грамматическими свойствами определяет места для всех остальных участников ситуации. Использование в качестве предиката глагола в переносном значении свидетельствует об индивидуально-авторском способе репрезентации исследуемой ситуации и особенностях реализации семантической модели восприятия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ДЕМЕШКИНА, Т. А., ВЕРХОТУРОВА, Н. А., КРЮКОВА, Л. Б., КУРИКОВА, Н. В. (2006): *Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе.*

Томск: Издательство Томского университета.

ДЕМЕШКИНА, Т. А. (2001): *Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики*. Томск : Издательство Томского университета.

ЗОЛотова, Г. А. (1982): Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: «Наука».

КАТАЖИНА ЮЛЬЯНОВНА РЫБИНЬСКА

Польша, Вроцлав

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ОЧЕРКАХ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ

ABSTRACT:

The aim of the paper is to explore Virginia Woolf's critical studies, in which she reveals her own perceptions of Russian literature. Not only the works of F. Dostoevsky, L. Tolstoy, I. Turgenev, A. Tchekov are subject to her constant scrutiny, but also less well-known writers such as E. Miltisina or M. Saltikov. The number of opinions, which she expresses in her essays, is innumerable. This research will investigate only the views, which attempt to give the reader a comprehensive look at Russian perception of reality that arises from a rich diversity of their souls.

KEY WORDS:

Psychological profundity – artistic sensitivity – emotionalism – spirituality – inconclusiveness – evocativeness – subconscious impulses – multidimensional perspective.

Вирджиния Вульф до конца своих дней пополняла интеллектуальный арсенал чтением неисчислимого количества книг. Именно они сделали ее восприятие очень изощренным. Художественный вкус британской модернистки был настолько требовательным, что романы, в которых слова не имели корней, не могли рассчитывать на ее одобрение [Woolf 1983: 41]. Признание могли получить лишь те произведения, смысл которых долго резонировал в умственном сознании читателя. Чтобы они были вневременными, писатель должен был отречься от тирании своей личности, освободиться из-под ига установленных традицией форм, отрывочные наблюдения заменить внутренним познанием. Россияне, в силу того, что они чувствуют, а, по мнению Э. Циорана, они чувствуют, то, что думают [Cioran 2003: 27], обладают несравненно большим, чем западноевропейские писатели потенциалом для того, чтобы штурмовать сокровищницу человеческой души. Вероятно именно поэтому Вульф, по собственной воле, без всякого принуждения, зачитывалась Чеховым, Достоевским, Толстым. Даже одна фраза из творчества этих писателей могла дать волю ее воображению, запустить машину самых разных эмоций, размотать клубок бесконечных ассоциаций, которыми столь насыщены ее очерки.

В очерке “The Russian View” автора «Путешествия», главным образом, интригует сходство перспективы Е. Милицыной и М. Салтыкова. Их рассказы объединяет *русское качество*, достигаемое в процессе обработки творческого потенциала, происходящего от глубокого ощущения человеческого страдания и непреодолимого желания солидаризации с всеобъемлющим чувством сопереживания. Несмотря на то, что, по мнению Вульф, вышеупомянутые писатели не особенно сосредотачиваются на формальной стороне произведений, являющихся в этом плане весьма посредственными, в своей прозе они умеют создать атмосферу сильного духовного заряда [Woolf 1987: 341–343].

Двусмысленное ощущение возникает у Вульф от рассказов А. Чехова. По мнению рецензента, почти все рассказы из сборника “The Bishop and Other Stories” в самые неожиданные моменты вызывают у читателя резкое, необоснованное чувство неуверенности, связанное со случайным стечением обстоятельств. Однако Вирджиния отдает себе полный отчет в том, что отсутствие у Чехова причинной связи между фактами, нюансы и двусмысленность, которых зачастую ставят писателя в безвыходное положение, это особенность, детерминирующая его гений. Он хоть и подбирает истории как курица зерно, механически, но ведь не бездумно. Каждое зерно раскрываемой им правды, содержит какую-то внутреннюю логику, заранее спланированную попытку представления панорамы человеческих страстей [Woolf 1988: 83–85]. Русский драматург – это для Вульф *самый тонкий и чуткий аналитик отношений между людьми* [Woolf 1984: 173], отличающийся педантичной точностью мышления. В его исполнении произведение не обязательно должно иметь свое завершение, окончательное решение, сложный сюжет или же четко сформулированные выводы, позволяющие читателю надлежащим образом оценить его существенные и художественные достоинства.

Автор «На маяк» считает, что благодаря многочисленным намекам и недосказанности, Чехов становится значительно более убедительным, чем Т. Харди, Г. Д. Уэллс или У. Г. Хадсон. Ввиду того, что творческие стремления всех трех вышеуказанных писателей со всех сторон пропитаны материализмом, выходящие из-под их пера слова зачастую обладают признаками дешевого лоска. В противоположность англичанам, россияне с самого рождения учат воспринимать духовные вопросы, поэтому их искусство всегда стремится к сглаживанию материальных границ. По мнению Вульф, именно из-за веры, к которой столь скептически относится запад, российская проза становится достойной внимания реликвией современного сознания [Woolf 1988: 30–36].

Владелица «Хогард Пресс», внимательно присматриваясь литературе на страницах очерка “Mr. Bennet and Mrs. Brown”, еще раз доказывает превосходство россиян, которые на этот раз играют ведущую роль в создании персонажей. Мастером в данной области автор «Миссис Дэллоуэй» считает Ф. Достоевского. Его герои не имеют четко начерченных отличительных свойств, а именно поэтому приобретают неповторимую глубину. Их внутренний мир это огромная пещера, в которой легко заблудиться из-за плохого освещения

и рева разбивающихся поблизости волн. В них все неразгадано, таинственно, бездонно [Woolf 1988: 386].

Однако гений Достоевского не всегда готовит блюда, удивляющие отменным вкусом. Рассказы из сборника “An Honest Thief and Other Stories” это достаточно небрежно сервированная закуска. Каждое отдельное произведение состоит из множества хаотично подобранных компонентов. В результате, возникает неудобоваримая порция информации, продукт рассеянного ума, неспособного сосредоточить свое внимание на чем-то значимом. Но может быть в этом и заключается суть дела, задумывается Вульф. Умолчать о важном, так как оно слишком непонятно для того, чтобы его можно было окончательно объяснить. От коротких прозаических форм Достоевский явно задыхается, его воображение требует более широкого размаха и нескольких страниц тут недостаточно. По мнению Вирджинии, Достоевского нельзя также считать природным комедиографом. Ему явно не хватает сдержанности и соблюдения дистанции. Пропитанный экзистенциальной болью смех Достоевского не является забавным. Чувство юмора заглушается нервным движением заядлого курильщика. Вместо тлящегося и пленяющего запахом хорошего табака, у нас во рту оказывается влажный окуроч, недоумение вместо удовлетворенности [Woolf 1988: 113–115].

О комизме Достоевского автор «Комнаты Якоба» немного шире высказывается в очерке “A Minor Dostoevsky”. Вульф пытается объяснить упорный навик россиянина заглушать комические сцены, шипящие как догорающие огарки из-за того, что решительное перо писателя не дает им польхаться светлым пламенем смеха. Такая реакция имеет лишь одно объяснение. Несмотря на то, что человеческая жизнь наполнена смехом, она не содержит никаких комических достоинств. Хотя рассказы из сборника “The Gambler and Other Stories” рецензент и называет второстепенными работами, она продолжает быть уверенной в спекулятивном таланте их автора. Каждая страница обладает своими рубежами, в пределах которых читатель до бесконечности может строить разнообразные догадки. Зачастую они рискованны даже для самого писателя, который, как правило, не поспевает за мчащимися со скоростью света стаями своих мыслей. Любая сцена, чаще всего оставляет после себя лишь одно впечатление о том, что мышление является усилием, превышающим возможности человека и поэтому, почти всегда его выталкивает невведение [Woolf 1987: 165–167].

Анализируя в очерке “More Dostoevsky” очередной сборник рассказов Достоевского “The Eternal Husband, and Other Stories”, Вульф со свойственной ей детальностью, исследует литературные способности ума автора романа «Идиот». Она считает, что Достоевский с упорством маньяка доверяется интуиции. Именно под ее диктовку он создает произведения, отличающиеся вневременным характером. Его гений проявляется в такой реконструкции умственной работы героев, которая продолжает руководствоваться логическими правилами. Воспроизводя мысленный поезд дальнего следования героев, который постоянно загружается новым материалом, Достоевский регистрирует любое изменение его скорости. Более того, по методу ассоциаций, с помощью на вид не-

произвольного движения невысказанных еще слов, он пробирается в подземелье человеческого сознания, в котором царят неукротимые страсти. Чтение Достоевского доставляло Вирджинии такое же множество сильных впечатлений, как чтение произведений Шекспира. Особенно романы способны были вовлекать ее в ход стихий, клубящихся в человеческой душе. Факт, что читатель находясь в их эпицентре, с одной стороны задыхается, а с другой, чувствует, что восхищение вызывает у него головокружение, доказывает лишь величину таланта, способного привести к столь крайним впечатлениям [Woolf 1984: 173].

В сопоставлении с гением автора романа «Преступление и наказание», Л. Толстой занимает в глазах Вульф, как минимум, равноценное место в списке наиболее любимых ею русских писателей. В то время как в творчестве Достоевского доминирует душа, переступающая через подвижные линии судьбы, Толстого интересует сама жизнь. Под влиянием его ловких движений, экзистенциальная основа перерождается в богато окрашенный деталями ковер, неповторимый узор, которого состоит не только из незаметных свойств характера представляемых им персонажей, но также из их сдержанных, скупых жестов, сопровождающихся отголосками покашливания, задыхания, чихания. В результате, читатель получает полную картину того, что внутри, и того, что снаружи. По мнению владелицы «Хогард Пресс», только получающие надлежащее вскармливание интеллект и чувства, способны воспроизвести интенсивность и красочность человеческой жизни, приблизительно показать всю гамму ощущений, взять на себя риск попытки ответить на поставленный в «Крейцеровой сонате» Позднышевым вопрос: *Ради чего жить?*¹ Подобная дилемма встает перед Лениным, главным героем рецензируемого Вульф рассказа “The Cossacks”. Предельно острая чувствительность толстовского глаза попадает в пульсирующую вену его мыслей настолько глубоко, что читатель способен проследить за превращающимся в гордиев узел сплетением охвативших его сомнений о том, как жить, чтобы быть счастливым. Толстой всегда с безошибочной дозой доверенности относится к вопросам психики. Он читает мысли своих персонажей с такой же легкостью, с какой мы считаем пуговицы на их пальто [Woolf 1987: 76–79]. Существуют многие причины, по которым Вульф (даже когда ее восхищение к перу Толстого со временем все более ослабевает) вправе считать его самым великим романистом. Одним из аргументов в пользу Толстого является хотя бы то, что он наголову бьет Чосера [Woolf 1977: 570], вторым – факт, что автор «Волн» всегда предпочитала его Диккенсу [Gorsky Rubinow 1989: 19].

Нескрываемое восхищение автором «Анны Каренины» не мешает, однако, Вирджинии направлять в его адрес колкие замечания. По мнению автора «Миссис Дэллоуэй», в своей прозе Толстой слишком часто злоупотребляет мужской точкой зрения². С такой же естественностью создательница «Орланды», направляет острие своей критики и на И. Тургенева, которого об-

¹ *Ibidem*, p. 178.

² *Ibidem*, p. 123

винает в отсутствии оригинальности и даже в воспроизводительном подходе, чтобы сразу после этого, однозначно констатировать, что простота его рассказов выходит за рамки посредственности. Его проза выигрывает от интенсивности, так как любое описываемое чувство он старается максимальным образом приглушить, придавая ему интересно звучащий резонанс, усиленный за счет выразительных дополнительных средств, таких как молчание, пение соловья, собачий лай, внешний вид деревьев. По мнению Вульф, у Тургенева ряд событий вытесняется с помощью серии эмоций, ложащейся невидимым шлейфом, придающим рисуемым им персонажам возвышенную глубину. Несмотря на то, что автор «Между актами» резко критикует Тургенева за его сентиментализм и неумение вести повествование, она продолжает оставаться преданной читательницей его произведений, по достоинству оценивая умение их автора объединять контрасты, вести логическое наблюдение, присутствующую в произведениях объективность, симметрию, единство, равновесие [Woolf 1978: 53–61].

Факт, что Вульф во многом разделяет взгляды русских писателей, несмотря на часто проявляемую по отношению к ним подозрительность, кажется достаточно загадочным и требующим размышления. Видимо она, мастер в области острой реплики, оставалась под харизматичным воздействием не только их пера, но и идеологии. Если бы автор «Миссис Дэллоуэй» не была согласна с Чеховым в отношении экзегезы современной литературы, которая, по его мнению, является результатом беспокойного сна и постоянных споров о том, кто прав [Woolf 1984: 173], она, не раздумывая, дискредитировала бы его точку зрения. Высказывания Тургенева, касающиеся теории искусств, тоже нельзя было отнести к области пренебрежения, коль понимание их смысла могло оказаться переломным в жизни автора «Волн» опытом, сравнимым с актом срыва запретного плода. Поскольку выражение, по мнению Тургенева, выигрывает лишь после извлечения его из глубины человеческого неведения [Woolf 1978: 55], и поскольку, перед тем, как обрести окончательную вербальную форму, слова являются для Вульф *волной в сознании*, которую следует заставить подплыть под поверхность сознания [Woolf 1977: 247], сходство принятых обоими писателями методов выглядит поразительным. Для Вирджинии имела смысл любая установка, которая могла бы стать компасом в ее художественной жизни. Поэтому, рекомендацию Достоевского о том, что *писать следует из глубины чувств* [Woolf 1977: 247], она считала ценным депозитом в своей художественной деятельности. Творчество русских писателей и представляемые ими точки зрения, которые Вульф с большим упорством анализировала на страницах своих очерков, помогли обогатить ее гений, обострить восприимчивость, придать гнущимся под бременем мыслей персонажам ее прозы утонченную, неповторимую легкость.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- CIORAN, É. (2003): *Pokusa istnienia*. Przeł. K. Jarosz. Warszawa: Wydawnictwo KR, s. 27.
 GORSKY RUBINOW, S. (1989): *Virginia Woolf*. Boston: A Division of G.K. Hall & Co..
 WOOLF, V. (1980, 1983): *The Diary of Virginia Woolf*. In: A. O. Bell (ed.). *Vols. 2, 4*. San Diego: A Harvest Book HBC.
 WOOLF, V. (1988): *Dostoevsky in Cranford*. In: A. McNeillie (ed.): *The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 3.

- HBJP*, San Diego 1988, p. 113–115.
- WOOLF, V. (1977): *The Letters of Virginia Woolf*. In: N. Nicolson – J. Trautmann (eds.): *Vol. 3*. San Diego: HBJ, p. 247.
- WOOLF, V. (1987): A Minor Dostoevsky. In: A. McNeillie (ed.): *The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 2. San Diego: HBJP, p. 165–167.
- WOOLF, V. (1988): Modern Novels. In: A. McNeillie (ed.): *The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 3. San Diego, HBJP, p. 30–36.
- WOOLF, V. (1987): More Dostoevsky. In: A. McNeillie (ed.): *The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 2. San Diego: HBJP, p. 83–86.
- WOOLF, V. (1988): Mr. Bennet and Mrs. Brown. In: A. McNeillie (ed.): *The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 3. San Diego: HBJP, p. 384–389.
- WOOLF, V. (1978): The Novels of Turgenev. In: *The Captain's Death Bed and Other Essays*. San Diego: HBJP, p. 53–61.
- WOOLF, V. (1988): The Russian Background. In: A. McNeillie (ed.): *The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 3. San Diego: HBJP, p. 83–85.
- WOOLF, V. (1984): The Russian Point of View. In: A. McNeillie (ed.): *The Common Reader*. San Diego: *A Harvest Book Harcourt Inc.*, p. 173–183.
- WOOLF, V. (1987): The Russian View. In: A. McNeillie (ed.): *The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 2. San Diego: HBJP, p. 76–79.
- WOOLF, V. (1987): Tolstoy's 'The Cossacks'. In: A. McNeillie (ed.): *The Essays of Virginia Woolf*. Vol. 2. San Diego: HBJP, p. 76–79.

Наталья Николаевна Семененко

Россия, Старый Оскол

ПЕРЕХОДНЫЕ СУБСТАНДАРТНЫЕ ПАРЕМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА

АБСТРАКТ:

The substandard of paremies exists as transformable forms in modern Russian. They combine a series of functions of different folk aphorisms. It gives them the status of functional transitivity. Most substandard paremies are various transformations of proverbs carrying out the function of another types of paremies which realize the ability to diversify speech during discursiveness and entertain participants of communication. Though the didactic function of proverbs keeps out.

KEY WORDS:

Substandard – paremy – phraseological area – area of paremies – transformable forms of paremies – discursiveness – transitivity.

Фразеологическое пространство языка – сложноструктурированное образование, включающее в себя достаточно разнородные по структуре и семантике единицы. При широком понимании фразеологии в ее состав включаются и паремии – афоризмы фольклорного происхождения. Говорить о паремическом пространстве языка достаточно сложно, хотя необходимость введения данного термина очевидна в связи с наблюдаемым в последние десятилетия отделением объекта и предмета исследования паремиологии от объекта и предмета фразеологии. Трудность в обосновании отдельного статуса паремического пространства языка связана, прежде всего, со структурно-семантическим разнообразием фольклорных афоризмов, объединяемых под понятием паремии, и, конкретно, с собственно фразеологическим статусом некоторых типов паремий (поговорок). Паремический фонд языка не только пересекается с фразеологическим в определенной его части, но и характеризуется действием в его пространстве ряда закономерностей, связанных с неологизацией, трансформациями и прецедентным использованием паремий, которые вполне сопостави-

мы с аналогичными явлениями, наблюдаемыми в пределах фразеологического пространства языка. Одним из таких аспектов является наличие зоны активного образования субстандартных единиц, которые выполняют ряд культурно значимых и социально обусловленных функций (формирование и пополнение арго, жаргонов, обеспечение публицистического и профессиональных дискурсов, фиксация изменений в ценностной картине мира, реализация и трансформация национальных стереотипов, выраженных в языке и т.д.).

Следует отметить, что паремический субстандарт выглядит несколько обособленно на фоне субстандарта фразеологического, т.к. большинство новых паремий выполняют стилистическую функцию в пределах определенного дискурса (большой частью молодежного и публицистического), но, в то же время, имеет ярко выраженную прецедентную основу. Новые пословицы (антипословицы, трансформы и т.д.) реализуются в речи во многом благодаря своей «псевдосущности», «как бы» отнесенности к фонду житейской мудрости народа. Соответственно, подавляющего «снижения» лексики, наполняющей современные паремические трансформы, не наблюдается (за исключением отдельной группы трансформов, активно использующих инвективы), а коннотация и экспрессия в них реализуются большей частью за счет использования парадокса и с помощью приема неожиданного завершения высказывания. Иногда при этом рождаются новые умозаключения, а не просто контаминируются уже существующие: *Кто раньше встал, того и тапки* (сравни с выражением *Баба с возу – волки съты*).

Современные паремические трансформации – это не только следствие прецедентной ссылки на традиционную единицу, ее стандартную форму и пропозиционную основу, но и результат своеобразной функциональной контаминации. Паремические функции достаточно разнообразны и соотносятся с определенной жанровой спецификацией народных афоризмов. В трудах В. И. Даля и Г. Л. Пермякова выделяются основные паремические жанры и обобщаются функциональные особенности последних: **моделирующая** функция выполняется в первую очередь **пословицами** и **побасенками**; **поучительную** функцию в большей мере реализуют **пословицы, загадки, головоломки** и **скороговорки**; **прогностическую** функцию выполняют **приметы, поверия, гадательные изречения**; **магическая** функция языка и культуры проявляется в процессе речевого использования **заговоров, проклятий** и **пожеланий**; сугубо коммуникативно-прагматическую функцию реализуют в основном **пустоговорки** и **докучные сказки**; **развлекательная** функция в определенной степени свойственна всем паремиям, но, большей частью, она является прерогативой **прибауток**; **орнаментальная** функция, как отмечает Г. Л. Пермяков, не является основной ни для одного типа паремий, но понемногу присутствует в каждом [Даль 2005: 11–12; Пермяков 2001: 305–307].

Интересно, что, во-первых, активным трансформациям и неологизации в современном русском языке подвержены только пословицы и, в значительно меньшей степени, приметы, загадки и прибаутки. Доминирование пословиц в числе паремических трансформов позволяет предположить, что (1) приро-

да данной исключительности заключается в особой функциональной природе жанра пословицы и что (2) сами функции современных паремических трансформов представляют собой достаточно сложную контаминацию, полностью соответствовать которой может только пословица.

Полифункциональность пословиц, реализующих наиболее значимые функции языка и культуры, является своеобразным залогом их воспроизводимости и активности в современном дискурсе. К базовым функциям пословицы следует отнести функции **когнитивную, этнообразующую, прагматическую и коммуникативную** [Семененко, Шипицына 2005: 33–45]. Первая функция (**когнитивная**) обеспечивает культурную маркированность знания, запечатленного в паремиях, и базируется на том, что пословицы выражают не просто абстрактные знания, а кодируют, сохраняют и обрабатывают целостные представления народа о жизненных закономерностях, отражают те «правила, нормы и стереотипы мышления», в которых «закодирована определенная культура» [Алефиренко 2002: 7]. Функционируя в речи в качестве носителя культурной информации, пословица способна к реализации **этнообразующей** функции культуры и металингвистической функции языка. Эта функциональная способность обусловлена тем, что, представляя собой «невидимую, внутреннюю, органическую связь» в жизни народной, «нечто целое, как и самый народ» [Снегирев 1995: XIV], пословицы выражают дух и характер как народа в целом, так и различных его сословий. Культурная память пословиц поистине неизмерима – В. И. Даль писал: «Доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашел, она [речь] проста, пряма и сильна... Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти» [Даль 2005: 6]. Помимо того, пословица – изречение, как правило, назидательного характера, – выполняет и сугубо **прагматическую** функцию, соотносимую с регулятивной функцией культуры, представляя собой «первобытные источники права» [Снегирев 1995: XX], неотделимого от нравственности. **Коммуникативная** функция языка реализуется пословицами неразрывно с ретрансляционной функцией культуры, обеспечивающей передачу накопленного опыта, поскольку речевой опыт и художественно-речевая традиция являются важнейшей составляющей опыта социума. Немалую роль в обеспечении коммуникативной востребованности того или иного высказывания играет совершенство художественной формы, тем более что художественные средства, используемые в пословицах, не только создают форму, но и воплощают содержание.

Последняя функция (**коммуникативная**) кажется наиболее актуальной применительно к проблеме современных паремических трансформаций в связи с высказыванием Г. Л. Пермякова о роли орнаментальной (развлекательной) функции пословиц. Действительно, паремии не только разнообразят речь, но и вовлекают коммуникаторов в своеобразные словесные и смысловые «игры», цель которых может сводиться и собственно к развлечению, и к игровому обучению, воспитанию, развитию. В современных паремических

трансформах дидактическая составляющая орнаментальной функции пословицы практически отсутствует, что обусловлено особенностями современного публицистического и молодежного дискурсов, в которых востребован «смех ради смеха», популярны балагурство, более или менее жесткий «стеб» и приветствуются разного рода парадоксальные изречения, создающие эффект «псевдоглубины» мысли: *Чем дальше в лес – тем толще партизаны, Чем дальше в лес – тем ближе вылез, Чем дальше в лес – тем больше интерес, Чем дальше в лес – тем меньше свидетелей, Чем дальше в лес – тем больше извращенцев, Чем дальше в лес – тем своя рубаха ближе к телу.*

На фоне заметного превалирования орнаментальной функции паремических трансформов над другими функциями, традиционно реализуемыми народными афоризмами, отмечается и определенная «мимикрия» этих единиц, выполняющих «как бы» паремические функции. В первую очередь это касается эффектов «псевдопоучения»: *Любишь кататься – люби и катайся, Любишь кататься – так катись к чертовой матери, Любишь кататься – имей сто рублей* и «псевдопрогноза»: *Баба с возу – долгие будешь, Баба с возу – вылетит, не поймаешь, Баба с возу – кобыла в курсе, Баба с возу – могила исправит.*

Таким образом, современные субстандартные паремические единицы вмещают функции различных типов паремий: (1) прибауток и пустоговорок в аспекте балагурства, (2) поговорок и пустоговорок в стремлении разнообразить речь, (3) прибауток и пустобаек в украшении речи и (4) пословиц в стремлении создания эффекта смысловой глубины и назидательного характера изречения, выступая в виде своеобразного функционального переходного типа, наблюдающегося в современном фразеологическом пространстве языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2002): *Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры*. М. ДАЛЬ, В. И. (2005): Напутное. In: *Пословицы русского народа*. М. С. 5–16. С. I –XLV.
ПЕРМЯКОВ, Г. Л. (2001): К вопросу о структуре паремиологического фонда. In: *Языковая природа афоризма (очерки и извлечения)*. Могилев. С. 297–320.
СЕМЕНЕНКО, Н. Н., ШИПИЦЫНА Г. М. (2005): Русская пословица: функции, семантика, системность. Белгород.
СНЕГИРЕВ, И. М. (1995): Предисловие. In: *Русские народные пословицы и притчи*. М.

ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА СМИРНОВА

Россия, Кострома

«ПРЕКРАСНОЕ ЕСТЬ ИДЕАЛ...» (концепция прекрасного в творчестве Ф. М. Достоевского)

АБСТРАКТ:

Beauty in Dostoyevsky's creative work is a dual concept. It may be sensual, sinful and thus fatal to man. Another kind of beauty – ideal, spiritual – is the beauty of Christ. There is a category of the beautiful in Dostoyevsky's creative work as well. This concept has only one estimation – it is always positive.

KEY WORDS:

Beauty – the beautiful – ideal – perfection – spirituality – morals – love – immortality – eternity – attitude.

Растиражированная формула «Мир красотой спасется» только тонкой прослойкой людей заинтересованных понимается сейчас так, как понимал её Ф. М. Достоевский: красота – это высшая форма духовности. Но и в литературоведении, на наш взгляд, остается не вполне осознанным вопрос о функционировании в художественном пространстве романов писателя двух проявлений эстетического и духовного совершенства: *красоты* и *прекрасного*.

Впрочем, и само понимание *красоты* применительно к творческому мироощущению Достоевского не так однозначно.

Известно, что красота в художественном мироощущении писателя – амбивалентное понятие, на двойственную природу красоты указывал сам Достоевский, записывая в черновиках к роману «Идиот»: «*Мир красотой спасется*». И рядом: «*Два образчика красоты*» [Достоевский 1973: т9/222]. Герой последнего романа Дмитрий Карамазов в своих мучительных размышлениях тоже приходит к выводу о непроясненности для слабого грешного человека тайны красоты: «*Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. <...> Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кон-*

чае идеалом содомским. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей <...> Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [Достоевский 1973: т14/123].

Следовательно, красота, по Достоевскому, содержит и высокий духовный идеал, и, приоткрывая двери ада, таит в себе великую опасность. В таком случае определить заряд красоты (положительный или отрицательный) можно только сопоставив её с эталоном, которым для Достоевского, как известно, был всегда Христос. Еще в юности, в годы мучительного поиска «осанны», писатель предпочитал веру, пренебрегая дружбой Белинского («Этот человек ругал мне Христа»). Из ссылки напишет Фонвизиной, что если скажут ему, что Христос вне Истины, он предпочтет остаться с Христом, нежели с Истиной. А в зрелые годы, в Записных тетрадях 1876–1877 гг., он вполне осознанно запишет: «Христос – красота, нет лучше ...» [Достоевский 1973: т9/251]. Художественное воплощение идеал красоты получит в романе «Идиот», где главный герой мыслится с ориентацией на евангельского Христа. В черновиках, осмысливая идею романа, Ф. М. Достоевский запишет несколько раз: «Князь Христос» [Достоевский 1973: т9/246, 249, 253]. Конечно, в последнее время в литературоведении ставится под сомнение сама идея о том, что князь Лев Николаевич Мышкин по своему духовному развитию близок Христу. Это, в частности, утверждает Т. Касаткина, обращая внимание на целый ряд деталей в подтексте, которые свидетельствуют об ином прочтении образа главного героя. По мнению исследовательницы, писатель вступает в полемику с книгами, подобными книге Ренана, и всем ходом своего романа показывает лживость этих книг. При этом князь Мышкин и есть тот самый образ ренановского Христа, который подлежит разоблачению. «В этом смысле, – пишет она, – высказывание «мир спасет красота» решительно терпит крах внутри романа «Идиот» [Касаткина 2004: 171]. Но мы все же склонны к иному пониманию и образа князя, и категории красоты.

Формирование идеала красоты в творчестве Достоевского началось значительно раньше, чем был написан роман «Идиот». Уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях» писатель создает образ нравственно совершенного человека: «Самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности <...>. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности» [Достоевский 1973: т5/79]. Так понимает Достоевский сущность идеального человека: эти размышления словно продолжение гимна любви, написанного апостолом Павлом в послании к Коринфянам.

Теоретические размышления Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях» художественно воплотятся в последующих романах, в одном из которых и будет сформулирована мысль «Мир спасет красота». Очевидно, что спасти мир способна та красота, идеал которой создан Достоевским в «Зимних заметках». Другая красота, «содомская», уж, конечно, мир не спа-

сает, она его губит, вовлекая падкого на искушения человека в ловко расставленные дьяволом сети греха. Это красота физическая, материальная, красота Настасьи Филипповны и сопряженная с нею красота чувственности и порока, та красота, которая в православной культуре именуется *прелестью*, беговским наваждением. «Такая красота – сила... с такою красотой можно мир перевернуть!» – говорит Аделаида Епанчина, глядя на портрет Настасьи Филипповны. Но сама возможность «перевернуть мир» не дарование Божие, а удел лукавого. Если вспомнить взгляд самого писателя на вопрос о разного рода переделках мира, станет очевидно, что такие возможности красоты, по мысли писателя, свидетельствуют об отрицательном качестве её. «Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления», – писал свят. Игнатий Брянчанинов в 1847 году [Брянчанинов 1905: т3/23]. Уловить присутствие Духа в красоте духовно нечуткому человеку сложно. Единственный способ – сопоставить с идеалом.

Выдерживает сопоставление, на наш взгляд, только один герой – князь Лев Николаевич Мышкин. Но примечательно, что относительно этого героя писатель вводит (случайно ли?) другое определение духовного совершенства – «положительно прекрасный» человек. Возможно, что и сам термин «прекрасный» несет на себе новую оценочность. В письме к С. А. Ивановой Достоевский сам указал на идеал, которым руководствовался в создании образа – это «сияющая личность Христа»: «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасно лица уж конечно есть бесконечное чудо» [Достоевский 1973: т28/251].

Князь Мышкин в романе, действительно, приближен по своему духовному развитию к «сияющему идеалу Христа». Но, конечно, отождествлять Мышкина с Христом ни в коем случае нельзя; князь лишь смертный человек, сумевший во многом преодолеть свою греховную природу. По замыслу автора, он призван очищать пораженные гордыней души людей, и для этого он обладает самыми необходимыми качествами. Его отличает от остальных неизбирательная любовь к людям, оттого и тянутся к нему окружающие, сбрасывая с себя многослойную оболочку неприступной гордыни. «*Сострадание есть главный и, может быть, единственный закон бытия всего человечества*» [Достоевский 1973: т8/192], – размышляет князь. А в черновых набросках к роману Достоевский записывает: «Сострадание – все христианство» [Достоевский 1973: т9/270]. В то же время (т.е. во время работы над романом) в Евангелии от Иоанна писатель делает некоторые пометы около слов: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга» (Ин., 13; 34).

Князь Мышкин, в отличие от всех окружающих, свободен от эгоизма, поэтому он не страдает склонностью к углубленному самоанализу, не мучает

себя бесплодными размышлениями, как он выглядит в глазах других: в связи с этим его невозможно обидеть. Ему абсолютно несвойственна сословная спесь, и уже это одно вызывает у окружающих недоумение.

Все окружающие замечают, что в поведении князя нет ни тени самолюбования. *«Здесь все, все не стоят вашего мизинца, ни ума, ни сердца вашего! – кричит ему Аглая в негодовании. – Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех! Для чего вы все в себе исковеркали, зачем в вас гордости нет?»* [Достоевский 1973: т8/ 283]. Упреки эти справедливы. Не случайно, обдумывая роман, Достоевский напишет: *«Смирение есть самая страшная сила, которая может на свете быть!»* [Достоевский 1973: т9/270].

В своей невинности, в детски простодушном отношении к миру князь слышит «идиотом» и «юродивым»: *«Совсем ты, князь, выходил юродивый, и таких, как ты, Бог любит* [Достоевский 1973: т8/14], *– говорит Рогожин. Но, пожалуй, глубже всех поняла и оценила князя Аглая Епанчина: «Если говорят про вас, что у вас ум... то есть что вы больны иногда умом, то это несправедливо; <...> потому что хоть вы и в самом деле больны умом <...> то зато главный ум у вас лучше, чем у них всех <...> потому что есть два ума: главный и не главный»* [Достоевский 1973: т8/356]. Этот «главный ум» князя есть проявление любви-сострадания.

По замыслу автора, князь – воплощенная красота, одухотворенная, освященная любовью и страданием, далекая от чисто физического её понимания.

Богословская наука по-разному дифференцирует понятие красоты и прекрасного: Дионисий Ареопагит, например, отмечает, что «наименования «Прекрасное» и «Красота» <...> необходимо различать, поскольку даже во всем сущем различая причастность и причастное, мы называем прекрасным что-либо причастное красоте, а красотой – причастие созидающей Причине прекрасного во всем прекрасном» [Мистическое богословие: 38–39]. Достоевский, возможно, иначе подходит к определению этих категорий. Красота – общее, более широкое понятие, она и соблазн для человека, и обещание вечной гармонии. Частный вариант красоты – прекрасное, только с положительным знаком, отсюда определение «положительно-прекрасный» по отношению к князю Мышкину.

Тема красоты, доминантная в романе «Идиот», по существу, она организует идейную канву всего произведения: в соответствии с идеалом Прекрасного создан образ князя Льва Николаевича Мышкина; не раз обращается к этой проблеме Аглая, упрекающая князя в чрезмерном стремлении рассуждать о том, что «мир спасет красота»; Настасья Филипповна сама являет собой образ земной красоты, о чем не раз говорят герои.

Проблема прекрасного связана в романе еще и с картиной художника Ганса Гольбейна «Смерть Иисуса Христа». На этой картине изображен Христос, снятый с креста, со всеми знаками физических мук и страданий, не преодоленных духом. Это образ, вызывающий глубочайшее сомнение в вере. Картина эта когда-то глубоко потрясла самого Ф. М. Достоевского. По воспоминаниям Анны Григорьевны, жены писателя, впечатление Достоевского от картины было пода-

вляющим, и он высказал мнение, что «от такой картины вера может пропасть» [Достоевская 1981: 437]). В романе картина упоминается трижды, и, кроме того, писатель акцентирует на ней внимание даже в черновых набросках.

Наиболее подробно о картине рассказывает Ипполит, объясняя свое планируемое, но не осуществившееся самоубийство: «*В картине же Рогожина о красоте и слова нет; это в полном виде труп человека, вынесшего бесконечные муки. <...> Тут одна природа, и воистину таков и должен быть труп человека, кто бы он ни был, после таких мук. <...> Но странно, когда смотришь на этот труп измученного человека, то рождается один особенный и любопытный вопрос: если точно такой же труп <...> видели все ученики Его, Его главные будущие апостолы, <...> то каким образом могли они проверить, смотря на такой труп, что этот Мученик воскреснет? Тут невольно приходит понятие, что если так ужасна смерть и так сильны законы природы, то как же одолеть их? Как одолеть их, когда не победил их даже Тот, Который побеждал и природу при жизни своей <...>. Картиной этой как будто выражается это понятие о темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой все подчинено <...>».*

 [Достоевский 1973: т8/338–339].

Христос, изображенный Гольбейном, не воскресает, и поэтому не дарует человеку потребность нравственности. Перед лицом «равнодушной» природы тщетными оказываются духовные усилия человека, ведь единственным законом бытия становится необходимость жизни и смерти. Бездуховная природа, таким образом, побеждает. Картина Гольбейна в романе подтверждает аргументацию Ипполита в пользу торжества слепой природы.

Но Достоевский вступает против такого грубо-натуралистического изображения Богочеловека. Христос для писателя – «единственно положительно прекрасное лицо», и главная красота Его – в бесконечной любви к человеку, в величайшем смирении, наконец, в способности пострадать за людей и преодолеть смерть. Именно эта красота ускользает от Гольбейна, метафизическое восприятие прекрасного ему недоступно. Христос на картине просто смертный человек, претерпевший жестокие муки. Художник видит лишь внешнюю оболочку, акцентируя внимание только на брэнной «материи»; а между тем, вместе с утратой Божественного начала, Христос на его картине теряет самое важное: способность воскресать и этим спасать падшего человека от вечного тлена.

Суть взгляда Достоевского на этот вопрос можно определить словами философа В. Л. Соловьева, обращенными к Л. Н. Толстому: «Крайнее торжество враждебного материального начала есть смерть, то есть освобождение хаотической жизни материальных частей с разрушением их разумной связи. Смерть есть явная победа бессмыслия над смыслом, хаоса над космосом.<...>Для человека бессмертие есть то же, что для живого – разум; смысл животного царства есть животное разумное, то есть человек. Смысл человечества есть бессмертный, то есть Христос» [Соловьев 1905: 242–243].

В свете этих рассуждений красота, равная высоким христианским добродетелям, дает возможность человеку обрести вечность, обещает ему бессмертие. Именно поэтому категория прекрасного мыслится Достоевским как спасение.

Достоевский в отношении красоты отметил главное: в мире идет борьба между красотой Мадонны и красотой содомской, поэтому от выбора в пользу одной или другой красоты зависит и судьба человека в земной и вечной жизни. Собственно, об этом говорит и Дмитрий Карамазов: тяготение к одной или другой красоте определит в конечном счете бытие человека в вечности, с одной стороны, а, с другой, настоящее, земное его существование (вспомним, что у Достоевского Царство Божие и ад – внутри человека есть). Задача каждого человека чутко улавливать эстетику падшего мира и подлинную красоту.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1973): *Полн. собр. соч. и писем*: В 30 тт. Л.
ДОСТОЕВСКАЯ, А. Г. (1981): *Воспоминания*. М.
КАСАТКИНА, Т. Н. (2004): *О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле»*. М.: ИМЛИ РАН.
Мистическое богословие. Киев, 1991.
СОЛОВЬЕВ, В. С. (1905): Из письма графу Л. Н. Толстому. In: *Вопросы философии и психологии. Книга 4, сентябрь-октябрь, 1905. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова*. С-Пб.

ЯНА СОКОЛОВА

Словакия, Нитра

ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК. ЦЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИИ

АБСТРАКТ:

The value of information is a specific human phenomenon. It integrates the attitude to knowledge and values being an important component of the competence of any interlocutor and the source for making a personal attitude to the information. Therefore the valuable status of information is determined by its regulatory potential, i.e. the potential ability of a person for proper decisions and behaviour.

KEY WORDS:

Information – competence – value – semantic information – pragmatic information – user – entropy – data – knowledge – communication.

В рамках антропологической теории языка нитрянская русистика начала разрабатывать функционально-антропологическую (функционально-персонологическую) концепцию языка. Её теоретико-методологической базой и эпистемологической линией являются язык и дискурс, понимаемый с точки зрения рецептивно оцениваемой функции. Это значит, что в рамках функционально-персонологической концепции человек рассматривается не только как исходная точка, но и как цель создания языковых и дискурсивных структур.

Одним из центральных понятий данной концепции является **информация** вкуче с такими понятиями, как интерпретация, принцип, проекция, автопроекция и т. п. Такой подход обусловлен тем, что человек является носителем (и продуктом) как биологической, так и социокультурной информации. Биологическая информация определяется генетическим кодом, социокультурная информация закодирована в этническом языке.

Исходный тезис настоящей статьи будет следующим: *ценность информации обусловлена прагматической информацией и имеет ориентирующий статус.*

Остановимся сначала на самом понятии «информация», которое имеет несколько интерпретаций.

В естественных науках информация является основным понятием наряду с материей и энергией. С точки зрения теории информации *информация* – это количественное выражение содержания сообщения. Информационное содержание сообщения создаётся только теми данными, которые устраняют или снижают неопределённость, поскольку неопределённость блокирует информацию. Ценность информации возрастает пропорционально мере преодолеваемой с её помощью неопределённости. Дефиницию количества информации теория информации понимает как статистическую проблему и разрабатывает её на основе энтропии. Мера информации возрастает в той системе, в которой снижается энтропия. Условием здесь является дифференцированность, сложность системы.

В общественных науках информация не представляет собой точной и абсолютной величины. Иногда её метонимически определяют как *сообщение, данные*, а иногда считают лишь компонентом их содержания. Это обусловлено тем, что информация – прежде всего единица знания. В концепте *когниция* варьируется на оси *данные – информация – знания* [Китова, Кравченко 2006]. Она представляет новые знания (требование новизны информации не абсолютно) или делает возможными определённые действия. Информация имеет характер комплекса фрагментарных данных или одного его фрагментарного компонента и относительную, реляционную сущность. И хотя реляционная сущность обеспечивает её новизну и актуализацию, она же, с другой стороны, обуславливает высокую степень её контекстуальной восприимчивости.

Вопреки активному и частотному использованию термина, языкознание также терминологически не вычленило информацию. Это связано с различиями в содержании, но прежде всего с неопределённостью и неограниченностью несущих информацию языковых и внеязыковых форм. Н. Ф. Алефиренко определяет информацию как «сведения о фактах, событиях, процессах; данные, приходящие к человеку по разным каналам и обрабатываемые в текущем сознании. К человеку информация поступает двумя путями: *извне* – по чувственно-перцептивным и сенсорно-моторным каналам и *изнутри* – по каналам ментальной репрезентации, где они уже переработаны и интериоризированы нашим сознанием. Поступившие сведения о фактах и событиях в сознании человека подвергаются так называемым информационным процессам – восприятия, передачи, преобразования и использования информации. Такого рода процессы могут осуществляться только при наличии двух объектов – источника информации и ее потребителя. Сведения от источника к приемнику передаются в материально-энергетической форме. При речевой коммуникации такой формой выступают звуковая и графическая формы» [Алефиренко 2006: 76–77].

Языковая информация является содержательно целостной, это продукт языковой коммуникации. Смыслом языковой (речевой) коммуникации является передача реципиенту соответствующего количества семантической информации, которое происходит при комплексном взаимодействии всех иерархически и дискретно организованных языковых единиц.

Процесс коммуникации традиционно понимается как трансфер информации. Различают три его основных компонента: а) источник, отправитель и его кодированный коммуникат; б) средства коммуникации, характеризующиеся как канал передачи или как носители используемой информационной технологии; в) получатель, или адресат, передаваемой информации, обладающий компетенцией декодирования. Кроме того, здесь присутствует семантическое пространство коммуникации, предполагающее ее функциональность. Коммуникацию можно считать функциональной в том случае, когда получатель способен принять сообщение и понять его в такой степени, которая приемлема или достаточна в данном контексте. Информация устраняет неопределенность только в той области, которая ограничена интересом получателя. Взаимоотношения между передаваемой информацией (транsinформацией) и компетенцией ее пользователей определяются понятием прагматической информации [Tondl 2006].

Первичным «носителем» информации в человеческой акустической коммуникации является сигнал. Сигнал – это передающая информацию физическая величина, её ценность, состояние (англ. status) или изменение. Языковой сигнал линейно расчленён – его можно разделить на сегменты, с заменой которых изменится информационное содержание сообщения. Сегменты – фонемы, т. е. компоненты сигнала, потенциально несущие и актуально различающие значение.

Звуковой сигнал является коммуникативным представителем так наз. несущей информации. Несущая информация – это то, что делает возможным передачу главной информации между коммуникантами и проявляется как свойство организации и упорядоченности звукового сигнала (его материальной субстанции). Главная информация – та, ради которой осуществляется процесс коммуникации [Kráľ 1974]. Соединение главной и несущей информации и есть, собственно, кодирование и декодирование. (Идеальное) содержание кодируется в форму, а форма – в (материальный) речевой сигнал. Коммуникационный переход от несущей информации к главной и наоборот становится возможным благодаря информационному ядру сигнала, которое функционирует в семиозисе как знаковое средство. Нейронная информация присоединяется к генетической и становится биологической основой семантического и структурного аспектов социокультурной информации [Šmajš 2008].

Исходный пункт и цель человеческой коммуникации имеют идеальный характер. В речевой коммуникации материализуется их языковая форма, в то время как языковое содержание – это рефлексия в сознании.

Информация, содержащаяся в языковом высказывании, кодируется с помощью специфического комбинирования элементов выражения и затем вступает в коммуникацию в соответствии с временными и пространственными взаимосвязями живой языковой ситуации и её «отражения» в стилистически дифференцированных коммуникатах.

Для языка характерно метафорическое опредмечивание информации и ее лексикализация, ср.: *информация, информационный, информировать, информатор, информированность; дезинформация, дезинформационный,*

дезинформировать, дезинформатор, дезинформированность. В информации проявляются положительные и отрицательные оценочные коннотации, а также семантическое свойство правдивости. Информация является ядром содержания коммуникативных функций. Различают *новую, старую и данную* информацию, причем подчеркивается их связь с явлением пресуппозиции.

Информация может реализовываться эксплицитно или имплицитно. Имплицитная информация выводится из заранее известных структур знания, а также из информации, следующей из контекста.

Информация всегда находится в отношении к чему-либо, чего она касается (к данному содержанию мысли), к кому-либо, кто является пользователем данной информации, а также в отношении к другой информации. Ее информационная ценность зависит не только от релевантности вступающих в коммуникацию содержаний, но и от компетенции ее пользователей. В контексте вербальной коммуникации пользователи информации определяются более конкретно – мы различаем владельца информации, получателя информации (акцептора) и отправителя информации (донора).

Информация как ценность является специфически человеческим феноменом, имеющим индивидуальный, групповой, институциональный, общественный или глобальный аспекты. Она интегрирует отношение к знаниям и ценностям, являющееся важным компонентом компетенции любого коммуниканта и предпосылкой для формирования личного отношения к информации, особенно к информационному буму современности. Поэтому ценностный статус информации определяется ее ориентирующим потенциалом, т. е. потенциальной способностью вызывать у человека адекватное принятие решений и соответствующее поведение.

В настоящее время очевидно возрастает значение подготовленности участников электронных систем коммуникации, их компетенции и ответственности, причем как авторов, так и пользователей. Более качественный и свободный доступ к источникам информации повышает степень востребованности содержащейся в них информации. Дело в том, что информационная ценность используемых данных зависит не только от их информационной насыщенности, но и от способа их использования. Широкий диапазон средств вербальной и невербальной коммуникации, обширные комплексы артефактов способствуют более эффективному принятию решений, в том числе решений, основанных на знаниях.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- KRÁL, A. (1974): *Model rečového mechanizmu*. Bratislava.
- ŠMAJS, J. (2008): *Filosofie – obrat k Zemi. Evolučně ontologická reflexe přírody, kultury, techniky a lidského poznání*. Praha.
- TONDL, L. (2006): *Půl století poté. Pohledy na problémy sémantiky a sémiotiky v posledních desetiletích*. Praha.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2006): *Язык, познание и культура. Когнитивно-семиологическая синергетика слова*. Волгоград.
- КИТОВА, Е. Б., КРАВЧЕНКО, А. В. (2006): Ценность как доминанта иерархии концептов data, information, knowledge. In: *Studia Linguistica Cognitive*, 1, с. 257–275.
- МАКАРОВ, М. Л. (2003): *Основы теории дискурса*. М.

ЯДВИГА ТАРСА

Польша, Ополе

«РЖУНИМАГУ», ИЛИ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В «ЯЗЫКЕ ПАДОНКОВ»

ABSTRACT:

The article discusses the ways of expressing emotions in the Russian Internet jargon. 'Jazyk padonkov' is characterized by total misspelling, writing some words as one word, creating new terms and fixed word expressions. Authors of the texts and comments express their emotions in two ways. The first means using vulgarisms spelled correctly. The second means creating their own expressions rendering anger, joy, fear, admiration, surprise, etc. Some of those expressions have become so popular that they are present in the colloquial language.

KEY WORDS:

Internet slang – feelings – emotions – anger – joy – vulgarisms – new phraseological units.

Трудно представить себе человеческую жизнь без чувств и эмоций. «Чувства – эмоциональные переживания человека, в которых отражается устойчивое отношение индивида к определенным предметам или процессам окружающего мира» [<http://psi.webzone.ru/st/122100.htm>]. «Эмоции (от лат. *emovere* – возбуждать, волновать) – состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов и выражающиеся прежде всего в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей» [<http://psi.webzone.ru/st/122100.htm>]. Эмоции делятся на положительные – радость, удовольствие, надежда, интерес, восторг и сочувствие – и отрицательные – страх, ужас, гнев, печаль, отвращение, пренебрежение, стыд. Часто самые сильные, но кратковременные эмоции называют аффектом, а глубинные и устойчивые – чувствами. Поэтому в моей статье, хотя у некоторых языковедов другое мнение (см., напр. [Liburga 2000]), термины эмоции и чувства я буду считать синонимическими.

В настоящее время люди все больше времени проводят в виртуальном мире – в Интернете. Это источник информации, виртуальная энциклопедия всяких знаний, место встреч, разговоров, споров, даже виртуальной любви и не-

нависти. Все наши реальные чувства и эмоции мы переносим в виртуальный мир. Иногда они проявляются сильнее, потому что интернет-пользователи не общаются лицом в лицо, чувствуют себя анонимными и высказываются более раскованно, отважно (может быть и непродуманно). В реальном общении около 70 % информации человек получает по зрительному (визуальному каналу), невербальные сигналы позволяют понять истинные чувства и мысли собеседника. Общаясь с человеком, его настроение, эмоции, чувства можем узнать именно благодаря паралингвистическим и экстралингвистическим сигналам – мимике, интонации, темпу речи, тембру голоса, паузам, жестам. Ведь одни и те же слова, произнесенные с разной интонацией или разным выражением лица могут выражать разные чувства и эмоции. Психологи считают, что правильное «прочтение» невербальных сигналов является важнейшим условием эффективного общения.

В виртуальном пространстве у нас таких возможностей нет. У нас есть только слова, которые, по данным экспериментов, раскрывают лишь 7 % смысла и не отдают непосредственно целого богатства интонации, чувств, эмоций, переживаний. Поэтому для выражения настроения и эмоций (а также экономии времени) были созданы смайлики – текстовые, состоящие из знаков препинания, букв и цифр, и графические (эмотиконы) в виде маленьких картинок-иконок. Чаще всего текстовые смайлики появляются в блогах и комментариях к ним. Эмотиконы употребляются в основном участниками чатов, пользователями программ для мгновенного обмена сообщениями типа ICQ, MSN, Yahoo!

В Рунете появилась группа людей, которая очень креативно подходит к языку. Так называемые «падонки» пользуются жаргоном, называемым «языком падонков», или «албанским» (олбанским) языком. Они публикуют свои тексты и ведут полемику в основном на сайте udaff.com, хотя поклонников этого жаргона можно встретить тоже на сайте padonki.org и LiveJournal. Создателем сайта, и как некоторые считают «языка» падонков, является Дмитрий Соколовский. Пользователи сайта говорят о себе, как о представителях контркультуры или другой культуры. Каждая контркультура появляется как отрицание устаревших культурных форм, как утверждение новых форм. Представители падонковской контркультуры, во-первых, отрицают орфографические правила русского языка. Этот интернет-жаргон характеризуется употреблением *a* вместо безударного *o* и, наоборот, взаимозаменяемой безударных *u*, *e* и *я*, употреблением *цц* или *ц* вместо *тс*, *тьс*, *дс*, также *жы* и *шы*, *чя* и *ця* вместо *жи* и *ши*, *ча* и *ца*, *щ* вместо *сч* и наоборот, *йа*, *йо*, *йу* вместо начальных *я*, *ё*, *ю*, взаимозаменяемой глухих и звонких в конце слова или перед глухими (*кросафчег*), причём вместо *ф* в этой позиции может употребляться *фф*. Во-вторых, распространено также слияние слов воедино без пробела (*ржунимагу*). В-третьих, для этого жаргона характерны, созданные падонками или ими популяризованные штампы, клише (напр., *аффтар жжот*, *В Бобруйск*, *животное!*). Надо сказать, что все правила «языка падонков» условные и каждый пользователь записывает слова согласно его соображениям о фонетическом написании слова. Этот жаргон называют тоже орфо-артом [Шаповалова 2008] или

эрративом [Гуссейнов 2000, 2005]. Авторы текстов, которые падонки называют креативами, часто используют бранную лексику и мат. Еще больше ругательств появляется в комментариях к текстам. Конечно, и эта лексика записана согласно вышеназванным правилам. Падонки не употребляют смайликов. Они выражают эмоции и чувства словами. Иногда только появляются улыбки, выраженные двоеточием и правой скобкой. Чаще всего выражаемые ими эмоции и чувства – это радость, неудовольствие, удивление, негодование. Они появляются и в текстах, написанных падонками, и в комментариях к ним. Способы передачи эмоций падонками можно поделить на две группы.

Первый способ – это употребление слов из литературного языка или мата и восклицательных предложений, которые записаны согласно орфографическим правилам, например: выражение удивления и восхищения: *Охренешь! С женой! Три порнухи! Ну ты стахановец!;* страх: *ПИЗДЕЦ! Ноги ватные, я весь в испарине. Машины нет, коты нет ... Что делать? – не знаю.;* возмущение: *Ты чо дед мороза ушатал, скотина? – возмутился я;* гнев и возмущение: *Оставьте меня ... не хочу слушать!! Вы лжете ... я ... я ненавижу вас ... СТЕРВА!!!*

Второй способ – употребление слов, выражений, записанных в соответствии с правилами «языка падонков» или образованных ими. Некоторые из них стали устойчивыми и перешли в лексикон других пользователей. Так как одно выражение может передавать разные чувства я привожу их алфавитный список с определением эмоций и чувств, которые они характеризуют.

Аффтар вытей йаду – выражение неудовольствия.

Аффтар жжот нипадецки – выражение восхищения текстом или иронического отношения к нему, в зависимости от контекста.

Ахуеть, дайте две – удивление, белая зависть (источником является следующий анекдот: Приходит наркоман / пьяный в магазин и говорит: – «Дайте мне ту фарфоровую кису!» – «Это не «киса», а Семён Михайлович Будённый.» «Ахуеть! Дайте две!»).

Аццкий Сотона – выражение восхищения.

Бляпашлифсенахуймудаки (возможно тоже сокращение БПФНМ) – выражение крайнего негодования по поводу поведения окружающих людей.

Ептваю, йоптвайу, ёбтваю – крайнее удивление «а я не знал».

Жесть, жестко, жосско, жозенько – как правило это реплика сочувствия.

Итить – выражение удивления, режы радости или огорчения.

Картинки не грузяццо – выражение разочарования, обиды и возмущения.

Нишбаццо – используется в качестве междометия.

Нублявацце – выражение крайнего восторга, огорчения или удивления.

Пацтулом – читатель упал от смеха со стула. Другая форма употребления: *Валялсо пацтулом.*

Пацталом – читатель упал под стол от смеха.

Ржунимагу – выражение радости, удовольствия.

Убей себя с расбега – Крайняя степень недовольства вызванного криатиффом, допустимы и такие варианты, как, например, *Убей себя с расбега апстену вымазанную йадом*.

Ужась – выражение крайнего удивления или восхищения.

Хуясе, хуяссе – крайняя степень изумления.

Ъ – отдельно стоящий твердый знак используется в комментариях для выражения разных чувств (обычно восторга).

Это, конечно, не полный список, так как каждый день на сайте появляются новые «креативы» и новые «каменты» к ним, а в них новые способы выражения эмоций и чувств. Самые яркие и образные повторяются очередными пользователями, закрепляются в памяти и становятся фразеологизмами «языка падонков».

«Язык падонков» явление относительно новое, так как и новым является общение в Сети. Падонками являются люди разного возраста, у которых разное образование и разные интересы. Их объединяет непризнание поп-культуры, отбрасывание всех норм, желание вести себя не так, как все другие. Способом выражения их отношения в миру, к культуре, к нормам является созданный ими жаргон. На этом жаргоне они пишут свои тексты, высказывают свое мнение о фильмах, книгах, литературе, комментируют актуальные политические события. Так как на этом сайте нет цензуры, каждый падонкок может свободно передавать свои эмоции и чувства. Чаще всего для этого он использует слова и выражения, образованные самими падонками. Часть из этих выражений стала настолько популярными, что можно их встретить в блогах на других сайтах и на чатах.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

DATA, K. (2000): W jaki sposób językoznawcy opisują emocje? In: J. Nowakowska-Kempna – A. Dąbrowska – J. Anusiewicz (eds): *Język a Kultura*. T. 14. Wrocław, s. 245–251.

GRABIAS, S. (1980): *O ekspresywności języka*. Lublin.

LIBURA, A. (2000): Analiza semantyczna wyrazów nazywających NIENAWIŚĆ i inne uczucia negatywne. In: J. Nowakowska-Kempna – A. Dąbrowska – J. Anusiewicz (eds): *Język a Kultura*. T. 14. Wrocław, s. 135–173.

ГУСЕЙНОВ, Г. (2000): *Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей*. In: НЛО, № 43.

ГУСЕЙНОВ, Г. (2005): «Берлога веблога». Введение в эрратическую семантику. In: «Говорим по-русски». 03/2005.

ШАПОВАЛОВА, Н. (2008): ОРФО-арт как пример карнавального общения в виртуальной реальности. In: *Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3-х ч.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. Вып. II, ч. II, с. 292–295.

ЭЛЬЖБЕТА ТЫШКОВСКА-КАСПШАК

Польша, Вроцлав

ЧЕЛОВЕК ОБРЕЧЕН НА СВОБОДУ. ОТГОЛОСКИ ФИЛОСОФИИ ЖАНА-ПОЛЯ САРТРА В ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

АБСТРАКТ:

Elements of Jean-Paul Sartre's philosophy in Sergey Dvlatov's prose are presented in the article. For both of them (the French existentialist and the writer) one of the main issues was the phenomenon of alienation and other related phenomena such as a problem of questions about the limits of freedom, possibilities of choice, responsibility for the fault, accidentality and necessity. The hero of works written by Dvlatov (similarly to a man in Jean-Paul Sartre's texts) is a man of absurd: alone in the alien world without God, suspended between the freedom and accidentality, waiting for the future with fear.

KEY WORDS:

S. Dvlatov – J.-P. Sartre – modern Russian prose – existentialism.

Творчество Сергея Довлатова достаточно часто рассматривается в категориях юмористики, плоской беллетристики [Зверев 2001: 357; Зверев 1995: 34], к чему склоняет простота стиля писателя, часто воспринимаемая как поверхностное представление мира. [Генис 1994: 166] Сам Довлатов не соглашается с таким прочтением его произведений. В одном из писем издателю в произведении «Зона» писал: «Помните, вы говорили: «Серезу мысли не интересуют...» Вообще, слухи о моем интеллектуальном бессилии носят подозрительно упорный характер. Тем не менее – буквально два слова.

Как известно, мир несовершенен. Устоями общества являются корыстолюбие, страх и продажность. Конфликт мечты с действительностью не утихает тысячелетиями. Вместо желаемой гармонии на земле царят хаос и беспорядок.

Более того, нечто подобное мы обнаружили в собственной душе. Мы жаждем совершенства, а вокруг торжествует пошлость.» [Довлатов 1995: 1, 56]

Проблемы, представленные в своих произведениях, писатель называет банальными, однако, несложно увидеть в них множество связей с экзистенциальной философией XX века. Как и для всех экзистенциалистов, для Довла-

това одним из главных был вопрос отчужденности и связанный с ним вопрос о границах свободы, возможности выбора, ответственности за вину, случайности и необходимости. Герой произведений Довлатова тоже, как и человек в текстах экзистенциалистов, одинок. Он старается принимать активное участие в жизни и одновременно избегает мира, поскольку мир делает его беспомощным. Хотя концепция автобиографического персонажа прозы Довлатова неоднородна, можно заметить явное сходство некоторых элементов его образов с концепцией человека, представленной Ж.-П. Сартром в его рассуждениях и литературных произведениях.

В Советском Союзе творчество Ж.-П. Сартра было представлено читателям лишь избирательно. В 1953 г. был издан перевод труда «Экзистенциализм – это гуманизм» [Сартр 1953], а в 60-е гг. появились переводы автобиографического романа «Слова» [Сартр 1964; Сартр 1966], а также драматических произведений и эссе французского философа. [Сартр 1967] Два самых значимых его произведения – это роман «Тошнота» и считающийся манифестом французского экзистенциализма «Бытие и ничто». Они были опубликованы в русском переводе достаточно поздно. Первый из них в 1989 г. в журнале «Иностранная литература» [Сартр 1989], а второй в издательской серии «Мыслители XX века» лишь в 2000 г. [Сартр 2000]

Однако роман Сартра «Тошнота» в русском переводе был в самиздате намного раньше, ещё в конце 50-х гг. [Нусберг 1983: 179–186]

«Тошнота», первый роман Сартра, увидел свет в 1983 г., т.е. в том же году, что и первые наброски «Чужого» Камю. Является она исходным пунктом для многих позднейших концепций автора. Обе повести приводят в действие два принципиальных понятия, являющихся одновременно ключевыми понятиями литературного экзистенциализма: понятие отчужденности и абсурда. Уже в «Тошноте» Сартр положил начало теме свободы человека, его одиночеству, неуверенности и связанной с ней боязни и тревоге. Роман, в котором автор делает попытку понять закон существования без Бога, стала манифестом атеистического экзистенциализма.

Главный герой «Тошноты» Антуан Рокантен принадлежит «миру абсурда», покинутого богами, без места для идеалов. Это основная для мировоззрения Сартра правда легла в основу рассуждений Рокантена. Он одинок в непонятном ему мире предметов, не создает связей с другими людьми, не верит в Бога. Существование Рокантена, обычное существование среднего обывателя, имеет в произведении философский смысл. Чувство тошноты означает появление в его сознании чувства абсурда, случайности существования и предсказывает изменение «обычного человека» в экзистенциального героя. Он постепенно понимает, что нет ничего, что предупреждало бы существование, было его причиной. Случайность – суть вещей. Мы можем увидеть абсурдность случайности – необъяснимого существования каждой вещи, нелепость того, что существование мира не имеет никакого значения. Это пустота смысла, из которого все начинается, когда в отчаянии начинаем искать ценности. [Trznadel 2005: 26]. Рокантен явно ощущает трагизм экзистенции: «*Существование всюду*

до бесконечности излишне, излишне всегда и всюду. Существование всегда ограничено только существованием. [...] я понимал, что это Мир, мир, который предстал передо мной во всей своей наготе, и я задыхался от ярости при виде этого громадного абсурдного существа. Нельзя было даже задать-ся вопросом, откуда все это берется и как все-таки получается, что существует какой-то мир, а не ничто. Вопрос не имел никакого смысла, мир был явлен всюду – впереди, позади. И до него ничего не было. Ничего. Не было такого мгновения, когда он не существовал. Вот это-то меня и раздражало: ведь ясное дело – не было НИКАКОГО смысла в том, что эта текучая личинка существует. Но не существовать ОНА НЕ МОГЛА.» [Сартр 2006: 79–80]

Проза Довлатова в отличие от романа Сартра не имеет характера интимного дневника. Достаточно редко появляются в ней замечания на тему психики героя, не характеризуется она тенденцией глубокого психологического анализа, а также ограничений в изображении окружающего мира в пользу представления состояний души героя. Однако довлатовского рассказчика с повествователем «Тошноты» сближает факт, что он такой же обыкновенный, не наделенный особенными личностными качествами. Хотя он и не склонен к тому, чтобы обнажать свои мысли, случается так, что он, описывая происходящие события, показывает свое восприятие данной ситуации. Декларацию идеи абсурда он выражает прямо в «Зоне»: *«Декларируется в общем-то единственная банальная идея – что мир абсурден»* [Довлатов 1995: 1, 28]. В других произведениях это отсутствие логики мира и жизни определяется писателем как хаос: *«Ведь кошмар и безнадежность – еще не самое плохое. Самое ужасное – хаос...»* [Довлатов 1995: 1, 365] *«Вместо желаемой гармонии на земле царят хаос и беспорядок»* [Довлатов 1995: 1, 56]; *«Я понял, что должен защититься от надвигающегося хаоса. Он преследовал меня в Союзе, я уехал. Теперь он настиг меня в Америке. Хаос и абсурд»* [Довлатов 1996: 220].

Существенные вопросы в философии Сартра – это проблема случайности существования, а также вопрос свободы. Значение случая в философии автора «Тошноты» бывает завуалировано рассуждениями о свободе личности, которые иногда интерпретируются как абсолютизация человека. [Marquardt 1994: 122–123] По сути Сартр пишет о выборе, которым мы сами являемся, но не исключает влияния случая на человеческое существование. Повествователь *Тошноты* утверждает: *«Суть его – случайность. Я хочу сказать, что – по определению – существование не является необходимостью. Существовать – это значит БЫТЬ ЗДЕСЬ, только и всего; существования вдруг оказываются перед тобой, на них можно НАТКНУТЬСЯ, но в них нет ЗАКОНОМЕРНОСТИ. Полагаю, некоторые люди это поняли. Но они попытались преодолеть эту случайность, изобретя существо необходимое и самодовлеющее. Но ни одно необходимое существо не может помочь объяснить существование: случайность – это не нечто кажущееся, не видимость, которую можно развеять; это нечто абсолютное, а стало быть, некая совершенная беспричинность»* [Сартр 2006: 78].

Герой Довлатова также, кажется, находится между свободой и случайностью, его жизнь формирует выбор, но чаще стечение обстоятельств. Он чувствует отчетливо влияние случая на свою жизнь, а также видит в ней принцип, руководящий миром. Всю свою жизнь повествователь «Зоны» определяет как *«цель неправдоподобных, а значит – логичных и убедительных случайностей»*. [Довлатов 1995: 1, 172] И далее, приводя слова Набокова: *«Случайность – логика фортуны»*, добавляет: *«И действительно, что может быть логичнее [...] абсолютно неправдоподобной случайности?»* [Довлатов 1995: 1, 171]

По мнению французского философа, «метафизически случайна также «фактичность» экзистенции, как таковая, а не другая телесность, ситуативность, явление в определенных «здесь» и «сейчас». Поскольку человек не может стать бытием богоподобным, предназначение личности – это свобода, лишенная фундамента, беспокойство и полная ответственность за выгоду, каковую она делает из своей свободы, придавая определенный смысл случайности своего существования.» [Gromczyński 1999: 320] Поэтому человек приговорен к беспокойству, связанному с неуверенностью, к боязни неизвестности. Ссылаясь на Кьеркегарда, Сартр выделил в своей концепции понятие беспокойства: человек – это беспокойство; кто утверждает, что его не чувствует, сам его избегает.

Такое беспокойство охватывает также героя в различных обстоятельствах, не дающих реалистической мотивировки основ этого чувства. Во вступлении к «Невидимой книге» повествователь признается: *«Я абсолютно здоров. У меня есть любящая родня. Мне всегда готовы предоставить работу, которая обеспечит нормальное биологическое существование. [...] Но почему же тогда я ощущаю себя на грани физической катастрофы? Откуда у меня чувство безнадежной жизненной непригодности? В чем причина моей тоски...»* [Довлатов 1995: 2, 7]

В «Филиале» главный герой в эксклюзивном отеле в Лос-Анджелесе размышляет: *«Я только не знаю, как они взаимосвязаны – происшествие и беспокойство. То ли беспокойство – симптом происшествия? То ли само происшествие есть результат беспокойства?.. В общем, я ждал, что произойдет какая-то неожиданность. Недаром я испытывал чувство страха. Недаром у меня было ощущение тревоги»* [Довлатов 1995: 3, 127]. Неоправданный страх охватывает также героя «Иной жизни» на парижской улице: *«Красноперов ускорил шаги. На душе у филолога было смутно. Он перешел в тень. Он был напуган и подавлен.»* [Довлатов 1996: 127]

Абсурд и страх перед неизвестностью определяют человеческое существование. Человек становится оторванным от мира, поскольку он не понимает и не знает, что может его ждать. В отношении этого принципиальным вопросом, какой ставит Сартр, становится вопрос о ценности жизни, а также связанное с ней понятие свободы. Именно свобода стала центральной темой французского экзистенциалиста. В одном из разговоров в Симон де Бовуар он заявил, что «Бытие и ничто» – это произведение о свободе. [Киссель 1994: 179]

«Человек обречен на свободу» – пишет философ, однако, эта свобода понимается как возможность создавать себя, делать выбор себя самого. В «Бытии и ни-

что» Сартр сам определяет свободу как возможность создавать себя, делать самому выбор. Человек является тем, кем себя делает. Человек сам является свободой, что не значит, что экзистенция распадается на ряд капризных, случайных, спонтанных актов свободного выбора, исчезает непрерывность существования и его внутреннее единство. Сартр различает первичный выбор способа существования от вторичных решений воли. Полную свободу приписывает только первоначальному выбору. [Gromczyński 1999: 320] Очередные решения, хотя и обладают большим полем свободы, определяются изначальным решением.

Проблеме свободы особенно много внимания посвятил Довлатов в «Зоне», где наряду с политическим и социальным аспектом он представляет и ее экзистенциальный аспект. Для писателя свобода не является вопросом неограниченного жизненного пространства, а исключительно возможностью индивидуального выбора, который определяет то, кем мы становимся: «меня смешит любая категорическая нравственная установка.

*Человек добр!.. Человек подл!.. Человек человеку – друг, товарищ и брат...
Человек человеку – волк... И так далее.*

*Человек человеку... как бы это получше выразиться – табула раса. Иначе говоря – все, что угодно. В зависимости от стечения обстоятельств.
Человек способен на все – дурное и хорошее.»*

[Довлатов 1995: 1, 63–64]

Однако, несмотря на то, что человек обладает как положительным, так и отрицательным потенциалом, он делает выбор сам для себя не до конца самостоятельно. Писатель отмечает значащую роль обстоятельств, в которых приходится нам делать эти выборы: «Зло определяется конъюнктурой, спросом, функцией его носителя. Кроме того, фактором случайности. Неудачным стечением обстоятельств. И даже – плохим эстетическим вкусом. [...] упаси нас Бог от пространственно-временной ситуации, располагающей ко злу...» [Довлатов 1995: 1, 87–88]

Довлатов отрицает противопоставление заключенных и охранников в лагере в одном предложении: «Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы» [Довлатов 1995: 1, 63]. В связи с этим экзистенция по обеим сторонам колючей проволоки ничем особенным не отличается с точки зрения свободы: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключенными и надзирателями. Между домушниками-рецидивистами и контролерами производственной зоны. Между зеками-нарядчиками и чинами лагерной администрации. По обе стороны запретки расстилался единый и бездушный мир» [Довлатов 1995: 1, 63].

В качестве двух полярно различных образов с точки зрения свободы писатель рисует портреты заключенных Чичебанова и Купцова. Первый представляет собой личность, которая хочет убежать от свободы: в день, когда он мог покинуть лагерь, он совершает побег и кражу, за что его сажают на очередные четыре года. Капитан Прищепа, знающий психологию заключенных, объяснил это событие так: «Чичеванов отсидел двадцать лет. Он привык. Тюрьма перестроила его кровообращение, его дыхательный и вестибулярный аппарат. За воро-

тами тюрьмы ему было нечего делать. Он дико боялся свободы и задохнулся, как рыба...» [Довлатов 1995: 1, 94]

Другой заключенный, Купцов, был человеком внутренне свободным, свободным в выборе самого себя. Будучи вором, он последовательно отказывается работать в лагере. В испытании силы, какое происходит между ним и Алихановым, перевес физической силы и власти явно по стороне охранника. Несмотря на это, в стычке выигрывает Купцов – когда его принуждают работать, он в кульминационный момент хватается за топор и когда кажется, что он поддался, он отчаянно отрубает себе ладонь. В экзистенциальном измерении этот акт самокалечения свидетельствует о внутренней свободе героя, верности своему выбору и познании себя самого.

Довлатов замечает возможность многообразной реализации свободы, собственного выбора и последствий этих решений. Он не рассматривает свободу односторонне как положительный фактор, а как данную всем объективную возможность создавать себя. Отсюда заключение писателя, что свобода *«Одинаково благосклонна и к дурному, и к хорошему. Под ее лучами одинаково быстро расцветают и гладиолусы и марихуана»* [Довлатов 1995: 1, 94].

С проблемой свободы связаны взаимоотношения человека с другими людьми. Сознание человека беспрестанно сталкивается с сознанием других. Сартр подчеркивает, что источником беспокойства являются отношения «я» и «другой», которые ограничивают автономность человека. Свобода человека заканчивается там, где начинается свобода других. В работе «Бытие и ничто», а также «За закрытыми дверями» философ развивает мысль, что, хотя межчеловеческие отношения являются источником конфликта и беспокойства, они остаются неотъемлемой частью нашей экзистенции. Отрицательные эмоции, которые вызывают другие, вытекают из угрозы нашей свободе. Как утверждает Сартр – появление «другого» является не только неожиданностью, а, прежде всего, угрозой. Эти рассуждения Сартр заканчивает утверждением *«Ад – это другие»*.

В произведении Довлатова мы находим мнение, которое, по сути, было использовано в отношении лагеря, но можно его также рассматривать как парфразу мысли французского экзистенциалиста. Повествователь «Зоны» констатирует: *«По Солженицыну лагерь – это ад. Я же думаю, что ад – это мы сами»* [Довлатов 1995: 1, 28]; *«– Слушай, парень! Я тебе по-дружески скажу, ВОХРА – это ад! Тогда я ответил, что ад – это мы сами. Просто этого не замечаем»* [Довлатов 1995: 1, 126–127].

Это утверждение в действительности идентично убеждениям Сартра. Писатель меняет только точку зрения: если по утверждению Сартра, другие – это для нас ад, то по мнению автора «Зоны» это мы являемся адом для других. Такую позицию занимает также герой прозы Довлатова, а все его действия служат примерами этого конфликта. Писатель не строит сюжетов, основанных на взаимодействии персонажей, на их взаимопонимании. Наоборот, герои чужды друг другу, что вызывает недоразумения в их действиях. Существенным является отсутствие желания в разрушении препятствий, в разрушении границ взаимного непонимания. Алиханов в «Зоне» старается понять чувства дру-

гих, однако, наталкивается на сознательное сопротивление, например, на вопрос, заданный повару Балядонису: «*Что тебя в ней привлекает? [...] отчего ты полюбил именно ее, эту Анеле?*» – получает вполне серьезный ответ: «*Не могу же я любить всех баб под Ригой*» [Довлатов 1995: 1, 50]. Такие же иронические ответы дают и другие персонажи, защищающие свой мир от чужих, создающие вокруг себя стену непонимания.

В таких отношениях между героями можно увидеть сходство со взглядами Сартра, который сосредотачивает внимание на отрицательной, изолирующей функции сознания как свободы. Каждое опредмечивание проявляется, по его мнению, исключительно как изоляция, враждебность и отчужденность. Если свобода другого человека не может быть отчуждена, то основой межлических отношений является конфликт. Во взаимоотношениях «я» – «другие» с каждой стороны проявляется сознание «для себя», что вызывает двустороннее отрицание. Отрицание «я» с позиции «другого» признает и подтверждает существование изолированности «другого», но также позволяет понять, что «я» – это не «другой». Это ощущение себя как «объекта», «предмета в мире предметов является основой в отношениях человека с внешним миром.» [Андреев 2004: 114–116]

Хотя в произведениях Довлатова нет непосредственных ссылок на творчество французского философа, эхо его экзистенциальной мысли звучит отчетливо. Совпадение во взглядах на человеческое существование можно заметить в подходах к вопросу свободы, случайности, отчужденности. Также как и Сартр, писатель оставляет своего героя одиноким в своей свободе, без Бога, с постоянным беспокойством. Герой может рассчитывать только на случай, обуславливающий его жизнь, жизнь без надежды на вечность. Такая конструкция героя близка к образу человека абсурда, который воспринимает свою экзистенцию как лишенную причины и смысла.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- GROMCZYŃSKI, W. (1990): Egzystencjalizm Jean-Paul Sartre'a In: Z. Kuderowicz (eds.): *Filozofia współczesna*. Warszawa.
- MARQUARDT, O. (1994): *Apologia przypadkowości*, przeł. K. Krzemieniowa. Warszawa.
- TRZNADEL, J. (2005): Posłowie tłumacza. To straszne istnienie. In: J.-P. Sartre: *Młodości*, przeł. J. Trznadel. Warszawa.
- АНДРЕЕВ, Л. (2004): *Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век*. Москва.
- ГЕНИС, А. (1994): Первый юбилей Довлатова. In: *Звезда*, № 3, с. 165–167.
- ДОВЛАТОВ, С. (1996): *Малоизвестный Довлатов*. Санкт-Петербург.
- ДОВЛАТОВ, С. (1995): *Собрание прозы в трех томах*. Санкт-Петербург.
- ЗВЕРЕВ, А. (1995): Шаг от парадокса к трюизму. In: *Стрелец*, № 1. С. 193–200.
- ЗВЕРЕВ, А. (2001): Записки случайного постояльца. In: С. Довлатов, *Последняя книга: Рассказы, статьи*, Санкт-Петербург, с. 354–375.
- КИССЕЛЬ, М. А. (1994): Дороги свободы Ж.-П. Сартра. In: *Вопросы философии*, № 11, с. 171–188.
- НУСБЕРГ, Л. (1983): Штрихи о Борисе Понизовском (Конец 1950-х). In: *Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны»*, Ньютонвилл 1983, т. 2А. С. 179–186; За: С. Савицкий: *Андеграунд. История и мифы неофициальной ленинградской литературы*. Москва 2002, с. 149.
- САРТР, Ж.-П. (2000): *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*, перев. В. И. Колядко. Москва.
- САРТР, Ж.-П. (1953): *Экзистенциализм – это гуманизм*, перев. М. Грецкого. Москва.
- САРТР, Ж.-П. (1967): *Пьесы*. Москва.
- САРТР, Ж.-П. (1964): Слова, перев. Л. Зониной и Ю. Яхниной. In: *Новый мир*, № 10 и № 11.

- САРТР, Ж.-П. (1966): *Слова*, перев. Л. Зониной и Ю. Яхниной. Москва.
САРТР, Ж.-П. (1992): *Стена. Избранные произведения*. Москва.
САРТР, Ж.-П. (1989): Тошнота, перев. Ю. Яхниной. In: *Иностранная литература*, № 7.
САРТР, Ж.-П. (2006): *Тошнота*, перев. Ю. Яхниной. Санкт-Петербург.

ЯРОМИРА ШИНДЕЛАРЖОВА

Чехия, Усти-над-Лабей

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

The purpose of this article is to compare Russian and Czech phraseological equivalents that have names proper in their structure. Such units take a rather specific place in Phraseology due to the fact that the correlation between the names proper unique nature and the relevant object that they refer to can be lost. The key goal of the comparative analysis is to identify and study those similarities and differences of various scale that emerge as a result of general linguistic affinity and heterogeneity between Russian and Czech. Names proper in the phraseological units provide for opportunities to discover diachronic (resp. cultural) similarities and differences between the two languages phraseological systems. The report is supposed to outline the respective examples.

KEY WORDS:

Onomastics – onym – anthroponym – toponym – urbanonym – zoonym – chronym – cosmonym – entonym – nominative unit – object – denotate – idiom – onyme content – lexical meaning – nominative identifying function – phraseological unit – phraseological equivalent – Phraseology.

Имена собственные (онимы) являются составной частью всех языков, однако занимают в них иную позицию, чем имена нарицательные (апеллятивы). Происхождение имен собственных следует искать в именах нарицательных, ибо они возникали тогда, когда возникала необходимость дать чему-либо название, индивидуализировать, отличить его от остальных объектов. При возникновении имен собственных важнейшее значение имел сознательный акт наименования, который был индивидуальным по происхождению, но в своем результате (имя собственное) приобрел социальный характер. Он начал давать наименование объектам и отличать их друг от друга, т.е. начал выполнять общественную, коммуникативную функцию.

Однако между апеллятивами и онимами существует широкая пограничная зона. Об этом, например, свидетельствует и разное понимание этнонимов (наименований наций и народов). В некоторых языках их считают именами собственными (напр., в чешском языке), в других их относят к апеллятивам

(напр., в русском, польском или венгерском языках), что выражается также написанием с прописной или строчной буквы.

Онимы отличаются от апеллятивов прежде всего иным содержанием категории значения и иным масштабом и целью функционирования. Цель онима – дать наименование денотата как индивидуальности, идентифицировать его как один из элементов в рамках одного класса денотатов, отличить данный денотат от остальных и определить его позицию в системе денотатов. Таким образом, функция онимов вытекает из их позиции в языковой и социальной коммуникации. Имя собственное индивидуализирует именуемый объект, локализирует его и таким образом также характеризует с помощью его свойств. Поскольку оним постоянно связан с одним объектом, может функционировать его различительная функция, которую с точки зрения общественной коммуникации можно считать важнейшей [Шрамек 1999: 13–15, 21, 33–34].

Оним так можно понимать как номинативную единицу языка, служащую для идентификации и дифференциации именуемого им объекта среди других объектов реальной действительности, которая обладает своеобразным онимическим содержанием и лексическим значением с ослабленным сигнификативным компонентом и выполняет номинативно-идентифицирующую функцию [Шутковски 2005: 187].

Отношение между онимом и именуемым объектом (денотатом) составляет так наз. онимическое содержание, которое постоянно связывает объект с определенным онимом. Следовательно, в отличие от апеллятивов, имя собственное обозначает не вид (класс) явлений или объектов как единое целое, а дает наименование объекту и затем в процессе коммуникации идентифицирует данный объект (денотат) как индивидуализированный и единичный в рамках данного целого [Шрамек 1995: 159–160]. Онимическое содержание так можно понимать как совокупность знаний о именуемом данным онимом объекте реальной действительности, служащих для правильной идентификации членам данной языковой общности и актуализирующиеся ими в речи [Шутковски 2005: 512].

Объем онимического содержания является безграничным, так как со временем признаки конкретного объекта меняются и воспринимаются часто субъективно, зависят от общества (общественной среды) и от степени познания внеязыковой действительности. Поэтому объем знаний о любом объекте, человеке, месте и т. д. никогда не может являться одинаковым даже в микросфере его функционирования [Szutkowski 2008: 44].

Оним обладает, кроме своих грамматических свойств и специфического онимического содержания, также лексическим значением, но с иной структурой по сравнению с именами нарицательными. Лексическое значение реализуется на языковом уровне, в то время как онимическое – на уровне речи. Значение имени собственного наряду с языковыми факторами определяется и факторами экстралингвистическими, т.е. комплексом знаний и опыта, связанных с данным объектом. Важнейшими считаются исторические, геогра-

фические и геоботанические факторы, в рамках фразеологии – прежде всего национально-специфические лингвокультурологические фоновые знания.

ФЕ и оним отличаются между собой прежде всего эмоциональной окраской. Фразеологизмы обладают эмотивным значением, но имена собственные в своей основной форме являются всегда нейтральными (их вторичные виды могут выполнять, напр., прагматическую функцию, ср. уменьшительные формы и прозвища).

О семантической роли онимов в составе фраземы существуют до наших дней два главных взгляда.

Одни фразеологи (напр., В. М. Мокиенко, О. Ф. Кудин, Г. П. Лошак) утверждают, что внутри ФЕ оним получает признаки апеллятивов. Другие лингвисты (напр., Р. И. Охштат, Л. И. Степанова) же отмечают, что имя собственное как асемантическая единица в составе фразеологизма приобретает некоторое значение. Во фразеологии имена собственные имеют особую позицию, поскольку утрачивают свое индивидуальное содержание, заключающееся в уникальности денотата, и интегрируются в общую семантику идиом [Чермак 1985: 182]. Специфика функционирования онимов в составе фразем заключается в том, «že tato asémantická slovní jednotka může sdělovat určité extralingvistické informace o denotátu, a tak se podílet na spoluvytváření celkového významu frazému» [Stěpanova 2004: 21]. В зависимости от вида денотата и фраземы имена собственные с разной интенсивностью влияют на семантику конкретного фразеологизма. В составе фразеологии имена собственные становятся составной частью двух своеобразных систем, онимической и фразеологической, и руководствуются собственными закономерностями [Шрамек 1999: 13–15, 21, 33–34].

В связи с исследованием совместных задач во фразеологии и ономастике два года тому назад в современной лингвистике появился и начал использоваться термин *фразеоним* [Максимчук 2007: 170–171]. Н. А. Максимчук понимает его как «*комплексную ономастическую единицу в составе фразеологизма, совмещающую в своей семантике и выражающую в ассоциативно-культурном фоне признаки онима и фразеологизма. Как правило, фразеоним выполняет роль ключевого слова в составе ФЕ. Комплексный характер фразеонимов проявляется в том, что они неотделимы от своей функциональной микросферы – фразеологической единицы*» [Максимчук 2007: 170–171]. Дискутабельным, однако, является характер и функция фразеонима вне фраземы.

Собственные имена занимают во фразеологии особое место из-за того, что взаимоотношение между уникальностью собственных имен и называемым объектом утрачивается. Благодаря тесной связи онима с денотатом посредством онима как компонента фразеологизма можно наблюдать национальную и культурную специфику языков отдельных народов.

Н. В. Подольская приводит своеобразную иерархию названных объектов ономастической картиной мира. Её ядро составляют четыре сферы номинации: имена космического пространства, имена земного пространства (живая

и неживая природа), имена земного пространства (суша и мировой океан) и имена сферы человеческой деятельности [Подольская 1978].

Р. Шрадек выработал теорию онимических объектов – денотатов, которую можно использовать и во фразеологии. Собственные имена как фразеологические компоненты можно разделить на две группы – на объекты моноденотативные (сингулятивные, незаменяемые) и полиденотативные (многоденотативные – один и тот же оним называет несколько одновидовых объектов); в рамках полиденотативных (многоденотативных) объектов можно различать объекты разнородные – гетерогенные (напр., собственные имена жителей) и однородные – гомогенные (напр., некоторые хрематонимы – названия серийных изделий и т.п.) [Шрадек 1999: 13–15].

В русской и чешской фразеологии мы встречаемся с различными видами собственных имен. Особо важным моментом является, по нашему мнению, сопоставление сходств и расхождений этих типов русских и чешских фразем разного масштаба, обусловленные как близостью, так и различиями обоих языков. Поэтому мы сосредоточили наше внимание на некоторых типах таких сходств и различий и хотим привести несколько примеров.

Фразеологическими компонентами являются, напр., антропонимы (личные имена, фамилия, отчества, прозвища, династические и др. имена), топонимы, урбанонимы, зоонимы, хрононимы, космонимы, хоронимы (наименования континентов, пустынь и т.д.) и другие. В чешской лингвистике к сфере онимов относят также этнонимы.

Наибольшую часть в обоих языках занимают фраземы с антропонимическим компонентом, напр., в виде личных имен, фамилий, прозвищ, династических наименований и др., ср., напр., в чешском языке *Amorova střela* ⇔ в русском *стрела Амура*; [*už*] *viděl (spatřil) Abraháma* ⇔ досл. *он видел [уже] Авраама, ему [уже] за пятьдесят, он перевалил пятидесятилетний рубеж; (je to tak) od Adama* ⇔ *(так повелось) с незапамятных времён, со времён царя Гороха*; (*začít/začínat, ročínat, projít co apod.*) *od Adama* ⇔ *(начать/начинать, пройти что) с Адама; с самого начала; svatý Martin přijel na bílém koni* ⇔ досл. *святой Мартин приехал на белом коне, полетели белые мухи, выпал первый снег* (около 11-ого ноября) [Mokienko – Wurm 2002]. У многих фразем встречаемся с собственными именами только в одном из сопоставляемых языков, ср., напр.: *je silný (má sílu) jako Vořivoj* ⇔ *сила у него богатырская*; *rogadit se s Vaňkem* ⇔ *задать стрекача (стречка, драла)*; *pusť se na útěk; spastis bégstvom; Štěstěna se usmála* ⇔ *фортуна улыбнулась кому; счастье улыбнулось кому; кому повезло; pamatovat (myslit, nezapomenout) na Navrátila* ⇔ *помнить, что нужно [вовремя] вернуться домой повезло, или наоборот, напр. perořádek jako po bitvě* ⇔ *как Мамай прошёл (воевал), беспорядок, как после погрома, настоящий погром [Там же]; Иван, не помнящий*

*podtva*¹ ⇔ *je sám jako kůl v plotě; zapomněl na své kořeny; změnil barvu; zpřetrhal všechna pouta (svazky)* [Stěpanova 2007: 643].

Русская фразеология располагает также фраземами, содержащими собственные имена, к которым в чешском языке не существует соответствующих эквивалентов, напр.: *давить (давануть, придавить) Соньку – спать, дремать*²; *заехать к Сопикову и Храповицкому*³ – *поспать, подремать* [Мокиенко – Никитина 2007: 633].

Характерными для русских и чешских фразем с антропонимическим компонентом⁴ являются также гипокористические формы имен, ср., напр., в чешском языке фраземы: *jsem z toho matěj (jsem z toho Franta!, je Janek z toho, čeho; být jako Alenka v říši divů* ⇔ *чувствовать себя (быть) как в сказке (как в стране чудес); hlouprý Honza* ⇔ *простофиля, Иванушка-дурачок* [Mokienko – Wurm 2002: 173].

По мнению А. В. Суперанской, использование гипокористических имен было характерным прежде всего для социально низких слоев населения [Суперанская 1973: 274–276], в то время как в Чехии этот социальный признак особенно не проявлялся [Кнапшова 1978: 15]. (Об именах собственных – компонентах фразем, которые выражают информацию о «социальном статусе своих денотатов» см. подробнее: [Stěpanova 2004: 22]).

К фразеологизмам с топонимическим компонентом принадлежат чешские и русские эквиваленты с одними и теми же собственными именами в обоих языках, напр., *Sodoma a Gomora* ⇔ *Содом и Гоморра; настоящий содом* [Mokienko – Wurm 2002: 483], с разными именами, напр., *odpřevážet se/odpřevážet se (poechat) v Mogilěvskou gubernii (v Mogilěv)* ⇔ *stěhovat se/odstěhovat se na Olšany; odejít na pravdu boží* [Stěpanova 2007: 559] или имени собственного в эквивалентной фраземе в одном из двух языков, напр., *dlouhý jako Lovosice, táhne se to jako Lovosice* ⇔ *досл. длинный как Ловосице (город в Северной Чехии), бесконечно длинный; конца – края не видеть, dopravnout jako sedláci u Chlumce* ⇔ *вернуться несолоно хлебавши (ни с чем)* [Mokienko – Wurm 2002: 465].

Тип фразеологизмов с урбанонимическим компонентом представляет, напр., русская фразема *он храпит во всю Ивановскую (во всю носовую за-*

¹ См. объяснение русского выражения: «Одни связывают его с названием площади в московском Кремле, на которой стоит колокольня Ивана Великого – самая большая колокольня в России, на которой во всеуслышание, громким голосом, *во всю Ивановскую площадь* оглашались царские указы. Другие связывают его со звоном колокольни Ивана Великого, звоном во все тридцать колоколов. Третьи соотносят его с празднованием дня святого Ивана 24 июня, когда гуляли «во всю Ивановскую ночь».» [Мокиенко – Wurm 2002: 569].

² «Образовано каламбурным перефразированием слова *сон* и нарочитой ассоциацией» [Мокиенко – Никитина 2007: 633].

³ «Сопиков, Храповицкий – каламбурные образования от *сопеть, храпеть*» [Мокиенко – Никитина 2007: 633].

⁴ К ним принадлежат также библеизмы (о них подробнее, напр., [Степанова 2009: 107–119]).

věřtky) ⇔ *chrápe, jako když pilou řeže, též řeže pilou* [Mokienko – Wurm 2002: 378] и чешское сравнение *lidstva jak na Václaváku*⁵.

Интересны также фразеологизмы с зоонимическим компонентом, ср., напр., чеш. *být opilý jako Brok; být uhoněný, ulítaný, upocený jako Alík* и рус. *слон и Моська, а Васька слушает* и т. д. или с хрононимическим компонентом: чеш. *střílet jak o Božím těle, mluvit pravdu vždy na Štědrý den* или рус. *ну-жен как в Петровки варезки*.

В ряд фразеологизмов с хрононимическим компонентом (наименования пустынь, континентов, государств, регионов) входят многие русские и чешские онимы, ср., напр.: *жарко (жара) как в Сахаре (как в Африке)* ⇔ *horcko jako na Sahaře; открыть/открывать Америку* ⇔ *objevit/objevovat Ameriku Sahaře; за [Атлантическим] океаном, в Америке* ⇔ *za vel[i]kou louží* [Mokienko – Wurm 2002: 278].

В рамках фразеологизмов с этнонимическим компонентом находим большинство фразем в обоих языках, ср., напр., *s klidem Angličana* ⇔ *совершенно невозмутимо, с олимпийским спокойствием; Američan z Vysočan* ⇔ *досл. американец из Высочан*⁶, *пижон, стилиага; píše (chlastá) jako Dán; opilý (vožralej, nalitý) jako Dán* ⇔ *он пьёт как сапожник (как бездонная бочка), стилиага* [Там же].

Итак, чешский и русский фразеологический материал убеждает нас в том, что взаимоотношение между уникальностью собственных имен и называемым объектом в обоих языках утрачивается. Оним в составе ФЕ теряет функцию идентификации, так как не обозначает определенный, единичный объект реальной действительности. Как компонент фраземы он выражает понятийное содержание на уровне фразеологического сочетания, причём частично сохраняет категориальное значение, т.е. характер именуемого объекта. Он способен предопределять лексические и грамматические свойства всей ФЕ и иметь влияние на стилистическую окраску фраземы в целом (иногда является даже показателем народного восприятия, см. крестьянские имена). В структуре фраземы он сохраняет в данной языковой общности и среде этнокультурную связь с этимологом.

Количественный анализ русского и чешского фразеологического материала доказывает, что фраземы с антропонимическим компонентом преобладают, причём наибольшую часть составляют личные имена.

Деминутивные формы собственных имен в русской и чешской фразеологии отражают не только признак нежности, покорности, симпатии и т. д., но и иронию.

Собственные имена в фраземах так в целом показывают, что в зеркале русского языка можно продемонстрировать и диахронические (resp. культурологические) сходства и различия чешской фразеологии и подтверждают интернациональный характер многих из русских фразеологизмов. Сам набор эквивалентов и их образная подоплёка становится убедительным аргументом в пользу большой общности фразеологических систем русского и чешского

⁵ Вацлавская площадь – Václavák (универбизация)

⁶ Высочаны – район Праги.

языков. Тем самым подтверждается тезис о том, что так называемая русская языковая картина мира во многом является картиной общеевропейской.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BALÁKOVÁ, D. (2007): Princíp ekvivalencie vo frazeológii. In: *Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy*. Ružomberok, s. 27–42.
- BALÁKOVÁ, D. (2009): Syntax frazém so stavbou slovesnej syntagmy. In: *Aspekty jazykovedné a literárnoviedné II*. Ružomberok, s. 153–171.
- BALÁKOVÁ, D., ŠINDELÁŘOVÁ, J. (2009): Чешские и словацкие эквиваленты в «Русско-чешско-словацком словаре идиом». In: *Фразеология в прошлом и настоящем*. Санкт-Петербург – Грайфвальд, с. 3–17.
- ČERMÁK, F. (1985): Frazeologie a idiomatika. In: J. Filipec – F. Čermák: *Česká lexikologie*. Praha, s. 166–236.
- KNAPPOVÁ, M. (1978): *Jak se bude jmenovat?* Praha.
- МОКИЕНКО, В. – WURM, A. (2002): *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc, 659 s.
- STĚPANOVA, L. (2004): *Česká a ruská frazeologie: Diachronní aspekty*. Olomouc, 297 s.
- STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc, 878 s.
- STĚPANOVA, L. (2009): Frazémy biblického původu. In: *Aspekty jazykovedné a literárnoviedné II*. Ružomberok, s. 107–119.
- SZUTKOWSKI, T. (2006): Imię w strukturze przysłówia. In: *Słowo – poznanie – kultura*. Москва, 172 с.
- SZUTKOWSKI, T. (2008): *Nazwa własna w składzie jednostek paremiologicznych (na materiale języka rosyjskiego i polskiego)*. Рукопись кандидатской диссертации. Познань, 355 с.
- ŠRÁMEK, R. (1995): Onomastická lexikografie. In: *Manuál lexikografie*. Jinočany, s. 158–181.
- ŠRÁMEK, R. (1999): *Úvod do obecné onomastiky*. Brno, 191 s.
- АТАБЕКОВА, А. А. (2003): Национально-культурная специфика в языковом оформлении WEB-сайта. In: *Степановские чтения. Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале романо-германских и восточных языков)*. Москва, с. 21–23.
- МАКСИМЧУК, Н. А. (2007): Фразеоним как функциональная ономастическая единица. In: *Русский язык: исторические судьбы и современность*. Москва, с. 170–171.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Давайте говорить правильно! Трудности современной русской фразеологии. Краткий словарь-справочник*. СПб.
- МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. (2007): *Большой словарь русских поговорок*. Москва.
- ПОДОЛЬСКАЯ, Н. В. (1978): *Словарь ономастической терминологии*. Москва.
- СТЕПАНОВА, Л. И. (1985): *Фразеологические единицы с именами собственными*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В. (1973): *Общая теория имени собственного*. Москва.
- ШУТКОВСКИ, Т. (2005): Оним как средство мотивации фразеологического значения в русском и польском языках. In: *Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс*. Магнитогорск.

Halyna Myronova, Oxana Gazdošová: Česko-ukrajinský právnický slovník. Brno, Masarykova univerzita 2009, 374 s. ISBN 978-80-210-4816-4. ISSN 1211-3034

Рецензована праця належить до двомовної перекладної лексикографії: це перший в історії славістики чесько-український юридичний словник середнього типу, у якому представлено приблизно п'ятнадцять тисяч чеських реєстрових слів, словосполучень і усталених виразів з різних галузей права та біля двадцяти тисяч українських відповідників до них. Його вихід у світ зумовлений розширенням і зміцненням міждержавних чесько-українських зв'язків у всьому спектрі суспільного життя – економіці, торгівлі, культурі, які з виникненням незалежної України значно активізувалися.

Перед словником було нелегке завдання: по можливості, якомога ширше охопити основні галузі права. Це авторкам повністю вдалося: використовуючи досягнення чеської і української двомовної перекладної лексикографії та враховуючи сучасні лексикографічні засади, вони чітко визначили мовні джерела словника, створили реєстр найуживаніших правничих термінів і словосполучень, запропонували оптимальну структуру реєстрового слова.

До списку джерел словника було включено як спеціальні лексикографічні праці, видані в Чеській Республіці й Україні (напр.: «Практичний чесько-український словник. Економіка. Фінанси. Торгівля» і «Українсько-чеський словник. Економіка. Фінанси. Торгівля» Й. Андерша і Л. Даниленко, опубліковані відповідно в 2000 і 2004 роках у видавництві Університету ім. Палацького, «Правничий словник» Д. Гендриха і кол. – Прага 2001, «Мова права і юридична термінологія» Н. Артикуци – Київ 2004, «Великий енциклопедичний юридичний словник» за редакцією акад. Ю. Шемшученка – Київ 2007 та ін.), так і різного типу кодекси – адміністративний, цивільний, цивільний процесуальний, кримінальний, кримінально-процесуальний, митний та ін. та оригінальні документи правоохоронних судових органів і комерційних структур, з якими авторки мали справу як перекладачки. Крім того, у словнику було використано виписки з фахових монографій, посібників і підручників, з науково-популярної літератури та інтернету, з текстів конституцій обох держав, що безперечно збагатили реєстрову і перекладну частини словника термінами й термінологічними сполуками, яким ще не дісталось належного лексикографічного опрацювання.

До словника включено насамперед правничі терміни й терміносполуки з таких галузей, як: криміналістика, економіка, політика, медицина, торгівля та ін., які мають прямий стосунок до юридичної практики. Разом з тим знайшла своє відображення в словнику і загальномова лексика, характерна для професійної мови юристів. В окремому додатку наводиться також словничок слів і словосполучень, зв'язаних із застосуванням зброї, з автотранспортом і безпекою дорожнього руху, які, на думку авторів, стосуються певною мірою правничої мови.

У словнику застосовано алфавітно-гніздовий спосіб упорядкування статті, яка складається з чеського реєстрового слова й українського відповідника, причому як реєстрові слова, так і відповідники наводяться жирним шрифтом у їх початковій формі: іменники – у називному відмінку однини (крім *plurale tantum*), прикметники й дієприкметники – у називному відмінку однини чоловічого роду, дієслова – у формі інфінітива. До українських відповідників-іменників регулярно зазначається родовий відмінок та рід, напр.: **důchod 1. пéнсія**, -ї, ž, а до відповідників-дієслів – форми 1-ої та 2-ої особи однини, напр.: **přijímat 1. прийма́ти**, -аю, -аєш. Зрідка реєстрові дієслова і їх українські еквіваленти супроводжуються керуванням; така граматична характеристика є особливо корисною, коли йдеться про розбіжність у керуванні, пор.: **svědčit proti komu дава́ти показáння прóти ко́го, свідчи́ти**, -чу, -чиш *прóти ко́го*. До всіх слів в українській частині словника (а не тільки до відповідників!), які мають два або більше складів, подається наголос, що дуже важливо з погляду відмінностей у характері наголосу в чеській і українській мовах.

Добре продумана в словнику також подача стилістичних і семантичних характеристик слів і словосполучень: перші здійснюються за допомогою позначок *publ., hov., slang.* та ін., другі – коментарів та коротких пояснень, які, з одного боку, уточнюють уживання реєстрового слова, а з іншого, дозволяють розрізнити перекладні відповідники, пор.: **konfrontovat 1. (obžalovaného se svědky) провóдити / провести óчну стáвку ко́го з ким; 2. (dokumenty) порівнóвати**, -юю, -юєш / **порівняти**, яю, -яєш, **získávat, яю, -яєш, / зіста́вити**, -влю, -виш. У тих випадках, коли чеський термін не має українського відповідника авторки вдаються до описового типу дефініції. В основному, подані в словнику такі дефініції виправдані, однак, деякі з них могли б бути замінені однослівним еквівалентом. Так, наприклад, до терміна **oznamovatel** подається дефініція **особа, яка повідомила про вчинення злочину**; проте, у цьому випадку можна вжити український відповідник **заявник** (пор.: рос. **заявитель** – чесь. **oznamovatel**, див.: Šišková, N.: *Rusko-český právníký slovník*. Praha 1996, s. 48; рос. **заявитель** – укр. **заявник**, див.: Русско-украинский словарь. Т. 1. Киев 1968, с. 450).

Як і кожна гарна лексикографічна праця, словник містить багатий інформативний матеріал – анотацію, передмову, структуру словника, скорочення, джерела і два додатки (вони, на жаль, не поійменовані); перший з додатків повідомляє важливу інформацію про чеську й українську лексику, яка вживається в сфері застосування зброї, використання автотранспорту і безпеки дорожнього руху, а другий – про аббревіатури й скорочення назв міжнародних і чеських

установ і організацій з їх українськими відповідниками та деякі інші широковживані скорочення.

У словнику трапляються поодинокі неточності, напр.: праця *Praktický ukrajinsko-český slovník*. Olomouc 2004 (с. 14) мала б мати назву *Ukrajinsko-český slovník*, а назви *Оломоуц* і *Коларжіковій* (с. 10) – писатися відповідно як *Оломоуць* і *Коларжіковій* тощо.

Відзначені недогляди в жодному разі не впливають на високий рівень рецензованої праці: їх можна буде легко усунути при перевиданні словника. Хочеться висловити переконання, що перший чесько-український юридичний словник, підготовлений і виданий брненськими мовознавцями, стане у пригоді як правникам, дипломатам, журналістам, так і перекладачам, а також студентам і викладачам тих університетів, де чеська й українська мови викладаються з орієнтацією на народногосподарську і туристичну діяльність.

Josef Anderš, Česká republika, Olomouc

Kongres České asociace slavistů podruhé

Mezinárodní slavistická setkání pořádaná Českou asociací slavistů začínají vytvářet určitou tradici. Po kongresovém jednání na Západočeské univerzitě (říjen 2007) se toto „putovní“ setkání (tj. II. kongres českých slavistů) uskutečnilo péčí Katedry slavistiky PdF Univerzity Hradec Králové ve dnech 19. – 20. ledna 2010. Tematická orientace kongresu byla zaměřena na širokou paletu problémů **filologicko-areálových studií** a tato skutečnost se také pochopitelně explicitně odrazila už přímo v názvech jednotlivých přihlášených referátů (bylo jich více jak 40 a prezentovali se jimi badatelé 7 zemí: vedle českých kolegů s referátem i s účastí v diskusi vystoupili kolegyně a kolegové ze Slovenské republiky, Polska, Ruské federace, Itálie, Norska a Slovinska). Při slavnostním zahájení kongresu pozdravili přítomné kromě představitelů vedení hostitelské univerzity a její Pedagogické fakulty i některé další významné osobnosti: předseda ČAS prof.PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (FF MU Brno), velvyslanec Slovinské republiky v ČR Franc But, tajemník Velvyslanectví Ruské federace v ČR Ilja Agejev a vedoucí kurzů RJ při Ruském středisku vědy a kultury v Praze doc. Jelena Celunová, CSc. O jednání kongresu projevila zájem i média.

V úvodním plenárním zasedání odezněly čtyři referáty: *Minulost a současnost areálů: strategie akcí dnešku* (I. Pospíšil, FFMU Brno), *Языковая картина других стран в современной России* (J. Šipko, FF PU Prešov), *Grammaticalization Theory in Historical Linguistics: The formation of Gerunds in Russian* (J. I. Bjørnflaten, Univerzita Oslo) a *Dynamika frazeologického obrazu světa* (L. Stěpanova, FF UP Olomouc), které upozornily na řadu aktuálních posunů v současném hledání „areálových“ souvislostí, vztahů i badatelských aktivit. Následující práce kongresu probíhala ve dvou základních sekcích: v I. sekci byly koncentrovány referáty s literárněvědnou a literárně-komparativní, vztahovou, recepční i interpretační tematikou, ve II. sekci pak převládaly referáty s lingvistickými tématy (samozřejmě nejen v obecném zaměření, ale rovněž s komparativními, vztahovými, vývojovými i konfrontačními aspekty týkajícími se jak jazykového spektra středoevropského areálu – s dominantní pozorností jazykům slovanským, tak i některých problémů současného výukového osvojování těchto jazyků). Samostatný „blok“ programu, který byl z organizačních důvodů včleněn do II. sekce, představovalo explicitní vydělení čtyř referátů s translato-logickou tematikou.

Mezi vystoupeními I. sekce nepochybně bylo možno najít řadu podnětných impulsů (odrazily se mj. i v bohaté diskusi), jako například objevování nedořešených odkazů českých i evropských kulturních dějin (připomeňme ilustrativně např. odkaz působení R. Jakobsona v české předválečné filologické vědě, návraty k česko-židovskému středověkému soužití a jeho stopách v kulturním dědictví současnosti, celá plejáda problémů spojených s aktuálními postoji k interpretaci uměleckého textu (v mezikulturním konfrontačním pohledu ale i v relaci s moderními přístupy k recepci elektronických forem prezentace textu), bipolární problematika recepce a interpretace uměleckého textu v česko-polské, česko-ruské, česko-slovenské, česko-slovinšské, česko-italské a česko-maďarské komparační rovině, pochopitelně většinou s konkretizační ilustrací na příkladech řady autorů (uvedme alespoň taková jména jako V. Sorokin, I. Cankar, M. Jarc, J. Severin, J. Vrchlický, F. Benhart, J. M. Lermontov, N. V. Gogol, F. M. Dostojevskij, K. Čapek, V. Vsockij, K. Kryl aj.), ale i v sumarizujících pohledech (vzpomeňme např. přehled o současných překladech české literatury v ruské kultuře, nadstavbově hodnotící pohled na kulturně-vzdělávací partnerství v česko-polském areálu nebo možnosti a úskalí česko-maďarské literární komparistiky aj.).¹

Lingvisticky orientovaný program (II. sekce) se rovněž věnoval široké paletě témat, mezi nimiž je vhodné především ilustrativně vzpomenout např. aktuální pohledy na současný ruský jazyk ve srovnání s češtinou (historický pohled na fungování přechodníků, vývojové změny v ruštině, uplatnění analýzy diskursu při současné výuce ruštiny, vyjadřování hodnocení, zvláštnosti výstavby ruského odborného textu, specifika současné ruské slovtvorby, nové tendence v ruské syntaxi, nové pojetí univerbizace v současné lingvistice. Odezněly ale i komparativní referáty, týkající se jiných konfrontačních pohledů na současný slovanský i neslovanský lingvistický areál (například hledání slovanské sémiotiky, typologické internacionalismy v soudobé frazeologii evropských jazyků, germano-bohemistická problematika, problémy překladového transferu obecné češtiny nebo urbozoonimických jednotek do současné polštiny, transliterace ukrajinských jmen do současné češtiny, výrazné sociologické jevy v internetovém prostředí slovanského areálu aj.). V samostatném translatologickém bloku pak byla např. věnována pozornost chápání pojmu přeložitelnosti v proměnách času a prostoru, místu a funkci překladu v systému národní literatury a kultury, rovněž pak mimořádnému přínosu odkazu ruského básníka, esejisty a překladatele Igora Inova (který by se v roce 2010 dožil 80 let) k česko-ruskému mezikulturnímu dialogu.

K příjemné a dělné atmosféře hradeckého slavistického setkání vedle – spontánní odborné diskuse – bezesporu přispěly i takové programové epizody jako bylo:

– přijetí delegace vedení ČAS (prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc., FF MU Brno a prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc., PdF JČU České Budějovice) spolu s nejvýznamnějšími zahraničními hosty (Stefano Aloe a Sergio Bonazza – profesori-slavisté z univerzity v italské Veroně, Jan Ivar Bjørnflaten – profesor-slavista z univerzity v norském Oslo)

¹ Krátká souhrnná zpráva nedovoluje vkládat informaci o všech kongresových vystoupeních, nicméně vedení ČAS přislíbilo, že výstupová publikace obsahující konkrétní podobu jednotlivých referátů bude vydána ještě v průběhu roku 2010.

a se zástupcem královehradecké katedry slavistiky (prof. PhDr. Oldřich Richterek, CSc.), která vystupovala v roli hostitelů, u rektora UHK doc. RNDr. Josefa Hynka, MBA, Ph.D., za přítomnosti dalších zástupců vedení univerzity a Pedagogické fakulty UHK;

– večerní zasedání, jež vedle kulturního programu (divadelní představení Čechovovy jednoaktovky «Юбилей» v podání studentů slavistiky téže katedry) poskytlo prostor i k neformální diskusi,

– a procházka historickou částí města Hradec Králové, kterou pořádající katedra slavistiky PdF UHK připravila pro zájemce po skončení oficiální části kongresu.

Slavistický kongres v Hradci Králové napověděl, že „širší“ – areálově orientované – spektrum jednání může být zdrojem objevování nečekaných souvislostí i badatelské inspirace. Účastníci proto s povděkem přijali zprávu, že uspořádání dalšího (už třetího) podobného setkání nezůstane jen teoretickým příslibem, ale stane se nepochybně i reálnou skutečností.²

Oldřich Richterek, Česká republika, Hradec Králové

² Podle úvah vedení ČAS se III. kongres slavistů uskuteční na půdě některé moravské univerzity (pravděpodobně UP v Olomouci nebo MU v Brně).

Rossica Olomucensia - Časopis pro ruskou a slovanskou filologii je pokračováním ročenky *Rossica Olomucensia* vydávané olomouckými rusisty od r. 1968. Časopis je recenzovaným periodikem. Vychází dvakrát ročně. Od r. 2009 má i svoji elektronickou verzi (http://www.rusistika.upol.cz/RU_rossica_ce.html).

Uveřejňuje původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou. V tomto smyslu jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, což dokládají autoři svým prohlášením.

Obsah časopisu má následující strukturu: vědecké a odborné stati, recenze, zprávy a kronika.

Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením.

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce května a října příslušného roku.

Texty příspěvků zasílejte na adresu:

Rossica Olomucensia, katedra slavistiky, Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Křížkovského 10, CZ-771 85.

E-mail: l.voboril@centrum.cz

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí – jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Text příspěvku – základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, od-

stavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt.

Maximální rozsah **18 000 znaků** včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury).

Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami („Cituji“, «Цитирую», “Citation”), specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Použitá literatura. Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou k publikování přijaty.

Text „Pokynů pro autory“ v ruském jazyce je uveřejněn na internetové stránce katedry slavistiky: www.rusistika.upol.cz v oddíle Rossica Olomucensia.

Těšíme se na Vaši spolupráci!